

eISSN 2311-2468
Том 5, № 10. 2017
Vol. 5, no. 10. 2017

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

АЛЕКСЕЕВ Е. Г.

ЗВУЧАЩИЙ СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ КАК ЖАНР

Аннотация. В статье представлены основные характеристики звучащего спортивного дискурса как жанра речи. Описывается ряд характерных особенностей данного жанра, определяются основные речевые тактики комментатора.

Ключевые слова: спортивный звучащий репортаж, жанр, спортивный дискурс, комментатор, репортер, адресат.

ALEKSEEV E. G.

LIVE SPORTS REPORT AS A GENRE

Abstract. The article deals with the key features of the live sports report as a genre. The peculiar features of this genre are considered. The essential vocal tactics of the broadcaster are determined.

Keywords: live report, genre, sports discourse, broadcaster, reporter, recipient.

В настоящее время спортивные события высшего уровня формируют социокультурные представления и стереотипы, как отдельных слоев населения, так и целых поколений. Они становятся медийным продуктом, который существует в виде последовательности медийных событий. Следует отметить, что спорт изучается различными научными направлениями, в том числе лингвистикой, для которой основным предметом изучения становится язык спортивного репортажа. Освещение лингвистических проблем языкового сопровождения спортивных мероприятий становится актуальным в связи с общественной значимостью спорта, непредсказуемостью результатов, постоянной динамикой и интригой.

Анализ стратегий общения в области спорта, ролей его участников, концептов и ценностей, стратегий дает возможность выделить спортивный дискурс как вид институционального дискурса. Дискурс определяется взаимодействием двух основных ролей – говорящего и адресата. Репортажи спортивных журналистов часто насыщены метафорами, военной лексикой и фразеологией. Кроме того, автор репортажа использует некоторые специфические языковые и паралингвистические средства воздействия.

Спортивный звучащий дискурс относится к разновидности устной публичной речи, однако при этом он находится на ее периферии, что обусловлено наличием в нем разговорности. Спецификой лингвистического статуса речи спортивного комментатора является ее спонтанность. Одну из немногих попыток создания определения термина «спортивный дискурс» предпринял К. В. Снятков. По его определению, спортивный дискурс

– это «речь (в устной или письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс), и совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат), то есть совокупность речевых произведений, зафиксированных письмом или памятью» [1, с. 28].

Понятие «спортивный дискурс» может включать в себя дискурс тренеров и спортсменов, дискурс фанатов, дискурс политиков и спортивных чиновников. Тем не менее, любая из рассмотренных разновидностей спортивного дискурса характеризуется перекрещиванием или пересечением с другими видами дискурса – политическим, идеологическим, художественным и даже обиходно-бытовым.

Одна из особенностей звучащего спортивного репортажа состоит в том, что он формируется спортивным дискурсом, который размещен в средствах массовой информации. Его коммуникативно-информационная задача состоит в анализе и описании происходящих с агентами (тренеры, спортсмены и т.д.) и клиентами (читатели, зрители) событий в спортивной пространственно-временной среде (бассейн, стадион и пр.). Звучащий спортивный репортаж проявляется в наложении массмедийного и спортивного дискурсов и, вместе с другими жанрами арсенала спортивной журналистики является ядром спортивного дискурса, где он в конечном итоге получает языковое выражение [2, с. 90].

Современное понятие жанра определяется специалистами в области жанрового анализа как социальная деятельность, реализованная лингвистическими средствами. Дж. Свейлз обозначил жанр как «класс коммуникативных событий, участники которых разделяют определенный набор коммуникативных целей. Данные цели составляют основу жанра. Эта основа определяет структуру дискурса, влияет на выбор его содержания и стиля» [3, с. 45].

Репортаж в журналистике занимает важное место – это один из центральных жанров публицистики (оперативно-исследовательские тексты), где во главу угла ставится толкование информации. В репортаже «анализ – не самоцель, а естественно возникающий итог воспроизводимого события или его комментария». В данном контексте под репортажем понимается «публицистический жанр, дающий наглядное представление о событии через непосредственное восприятие автора – очевидца или участника события» [4, с. 143].

Звучащий спортивный репортаж, работающий на массовую аудиторию и затрагивающий определенную сферу общественной жизни – досуг, отдых, развлечения, – завоевал заметную нишу в электронных средствах массовой информации. Звучащий спортивный репортаж, по наблюдениям автора статьи, представляет собой устный спонтанный монолог ведущего, в процессе которого происходит как непосредственное восприятие окружающей действительности – взаимодействия и движения субъектов в

пространственно-временной среде, так и сопровождающий его анализ; при этом речевой процесс обеспечивает выражению вышеназванных процессов.

Звучащий спортивный репортаж, как и любой другой репортаж, с одной стороны, является результатом творческой деятельности, а с другой – характеризуется композиционно-структурной схемой и специфическими природообразующими элементами (последовательность, наглядность, документальность, образная аналитичность, эмоциональный стиль повествования, активная личностная роль), поэтому его можно отнести к группе жанров, которые используют модели построения общего характера.

Звучащий спортивный репортаж относится к системам жанровых разновидностей публицистического фоностилля [5, с. 340]. Его организация определяется в значительной мере объективными фактами и событиями, поэтому рассматриваемый жанр часто не имеет четкой строгой композиции, лишь начало и конец в ней отмечаются достаточно определенно. Контексты (композиционные компоненты) представляются микротемами, такими как название соревнования и участники, место его проведения, стадион, погода, и наиболее часто образуют начало текста, однако их появление возможно и в последующей центральной части репортажа, порядок этих компонентов может меняться при реализации текста в зависимости от интенций говорящего и от развития событий.

В работах, посвященных репортажу как жанру дискурса, исследователи обозначают ряд характерных особенностей данного жанра: достоверность, документальность, оперативность, основанные на актуальности информации, присутствие четко выраженной авторской идентичности, следование репортажа хронологии события, причастность автора как очевидца [6; 7].

Помимо информационного, развлекательного и аналитического вектора воздействия, спортивной журналистике свойственны также воспитательная и пропагандистская функции. Для эскалации определенного эмоционального спектра, спортивный репортер (комментатор) формирует текст с высоким потенциалом воздействия. Он передает характер, суть, напряжение и сложность момента спортивного события с помощью демонстрации (описания) его зрителей, участников, духа соревновательности, преодоления физических, психологических, моральных, трудностей, драматизма борьбы, эстетичности, массовости и популярности, эмоциональности, красоты, и пр.

Звучащий спортивный репортаж – это, главным образом, отчет, автор репортажа является не просто болельщиком-комментатором, а еще и информатором. Длительное время в репортаже мало внимания уделялось личностному началу. Но в дальнейшем, по мере развития и становления звучащего спортивного репортажа, его содержание насыщалось

авторскими размышлениями и эмоциями, – повествование о спортивных мероприятиях располагает к естественной манифестации реакций, эмоций, оценок [8].

Для описания задач, функций, и специфических атрибутов репортажа особое значение приобретают качества языковой личности комментатора, проявляемые в звучащем спортивном репортаже полем персональных выборов в системе первичных речевых жанров различных типов. Потому адресаты-зрители ожидают от спортивного репортера не обычного изложения событийных фактов: от него требуется сообщать адресатам малоизвестные сведения, актуальные в свете комментируемого события, вербализировать их эмоции, желания, чувства, доносить свои ощущения от услышанного и увиденного.

Лишенный возможности, в связи с обычно жесткими временными ограничениями и высокой быстротой смены событий, продумать тропы и выразительные средства, спортивный комментатор довольно часто прибегает к штампам и речевым клише, что нередко снижает выразительность репортажа. Но вследствие отсутствия четкого регламента построения, у репортера есть возможность исправить свой текст естественным образом в режиме онлайн, как информационную, фактическую составляющую, так и стилистические неточности, или же дополнить необходимым комментарием. Применение разговорных единиц для положительных или отрицательных эмоциональных оценок имеет своей целью сокращение формальной дистанции между слушателем и комментатором и повышение его доступности для «виртуального» диалога.

Недоступность обратной связи с адресатами, типичная для репортажа, обуславливает монологичность слога комментатора, освещающего то или иное событие «в одиночку». Тем не менее, речь репортера диалогизирована: во-первых, в ней используются средства выражения адресности, во-вторых, комментатором учитываются предполагаемые реакции и потребности адресата; это дает возможность квалифицировать речь репортера как лишь внешне монологическую.

Если адресность текста выражается использованием ограниченного числа маркированных средств речи (наличие этикетных формул речи, направленных к телезрителям, использование обращений, использование конструкций, восходящих к ментальному опыту зрителя-слушателя, использование конструкций с глаголами, представленными формой 1-го лица множественного числа, применение местоимения «мы», использование местоимения «вы» с глаголами в форме 2-го лица множественного числа и др.), то учет реакций слушателей ведется с использованием особых тактик, которые выражаются различными способами. К важнейшим тактикам можно отнести: предупреждение возможного недопонимания, диалог-самоконтроль, упреждение возможного несогласия адресата, привлечение зрителя к соразмышлению и активизация его

вовлеченности и внимания, ответ на предполагаемый в текущей ситуации вопрос, удовлетворение комментатором информационных запросов слушателей.

Итак, для адресата-зрителя (слушателя) можно выделить следующие важнейшие компоненты звучащего спортивного репортажа:

- качественное информационное наполнение спортивного зрелища, а именно, освещение правил соревнований по данному виду спорта и важных нюансов использования правил; места комментируемого события в общей структуре процесса соревнований; сведений о тренерах, игроках, командах, причем не только всем известных; характеристики превалирующей «модальности» соревнования (значение данного соревнования для спортсменов; отношения между соперничающими командами/спортсменами; ранг комментируемого соревнования и пр.);

- верификация мнения репортера об увиденном мнением специалиста-комментатора (или профессионала-спортсмена – что часто можно увидеть в парных репортажах);

- опосредованный диалог, разделяющий чувства, эмоции, и настроения адресата: человеку, смотрящему прямой репортаж по телевизору, очень важно психологически присутствие других людей рядом. Поэтому очевидно, что спортивный комментатор реализует функцию человека, находящегося рядом и непосредственно смотрящего вместе с адресатом спортивный репортаж; но при этом, вследствие природы своего положения и своей профессии, знает о происходящем значительно больше других;

- адекватный выбор первичных речевых жанров, а также языковых средств выражения необходимых смыслов комментатором.

В заключение следует отметить, что звучащий спортивный репортаж относится к жанрам дискурса, где процесс восприятия, ментальная деятельность говорящего, словесная реализация репортером фактического материала (фактологии) осуществляется с опорой на информационный материал, предоставляемый визуальными средствами – экран и разнообразные информационно-статистические данные, релевантные виду спорта. К визуальным средствам принадлежат также видеоряд, освещающий действия / движения субъектов (участников спортивного соревнования); стадион и зрители, ворота; разметка поля, таблицы с результатами; аудиоряд – звуки взаимодействия с инвентарем, игроками, коммуникация участников, реакции болельщиков. В общем и целом, звучащий спортивный репортаж относится к речевым произведениям, обладающим свойствами связности и целостности (т.е. текстом). Он является устным спонтанным монологом и относится к публицистическому фоностиллю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2008. – 25 с.
2. Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса.: дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 223 с.
3. Swales J. M. Genre analysis: English in academic and research settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
4. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. "Журналистика" / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с.
5. Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 416 с.
6. Пронина Е. Е. Психология спорта // Спорт в зеркале журналистики (о мастерстве спортивного журналиста). – М.: Мысль, 1989. – С. 70–91.
7. Кайда Л. Г. Стилистические ресурсы современного спортивного репортажа // Спорт в зеркале журналистики (о мастерстве спортивного журналиста). – М.: Мысль, 1989. – С. 110–126.
8. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук – Омск, 2011. – 46 с.

БЕЛЯКОВА Н. С.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО УЧЕБНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА)**

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя структура лексико-семантических полей экономических терминов, выявленных в англоязычном учебно-академическом тексте по экономике. Репрезентируя черты профессионального языка, анализируемый текст обнаруживает относительно высокую степень специализированности, что отражается, прежде всего, в терминологии.

Ключевые слова: экономический термин, концентрация терминов, лексико-семантическое поле, ядро, периферия поля.

BELYAKOVA N. S.

**LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF ECONOMIC TERMS:
A STUDY OF THE ENGLISH ACADEMIC TEXT**

Abstract. The article deals with the internal structure of the lexico-semantic fields of economic terms used in English academic texts on economics. Representing the features of professional language, the analyzed text shows a relatively high degree of specialization, which is reflected in its terminology.

Keywords: economic term, concentration of terms, lexico-semantic field, field core, field periphery.

Изучение экономических терминов особенно интересно и важно ввиду непрерывного развития и обогащения экономического знания, в том числе и в области международного сотрудничества. Как следствие этих процессов терминологическая система экономической сферы претерпевает определенные трансформации. Таким образом, особую значимость приобретает ее изучение в различных типах дискурсов, включая учебно-экономический дискурс.

Цель настоящей статьи – выделить лексико-семантические поля в англоязычном тексте по международной экономике и изучить их внутреннюю структуру.

В качестве **материала** исследования послужил текст учебного пособия «International Economics» объемом 530 страниц, автором которого является Robert J. Carbaugh [6].

В процессе исследования были использованы **полевый** и **описательный методы**, а также элементы количественного анализа.

Так как предметом нашего исследования являются экономические термины, то особый интерес представляет определение количественной доли терминов в общем

лексическом составе изучаемого текста и их семантический анализ для определения степени специализированности текста. Для этого необходимо следующее:

- 1) определить соотношение терминов и лексем общеупотребительного языка, т. е. количественная доля терминов в общем лексическом составе текста;
- 2) выявить концентрацию терминов в отдельных частях и фрагментах текста;
- 3) выявить различия в терминологической плотности в отдельных частях текста.

А. Н. Васильева выделяет в терминологии три слоя: общие понятия, подходящие для всех или значительного ряда наук; профильно-специальные понятия и узкоспециальные понятия, актуальные для одной науки или двух-трех близких наук [2]. А. С. Герд также считает, что «термины можно классифицировать по объекту названия, когда термины распределяются по областям знания или деятельности, т. е. по специальным областям» [3, с. 74].

Лексико-семантический анализ осуществляется нами на материале терминологии, используемой в англоязычном учебно-академическом тексте по международной экономике, основной задачей которого является обучить будущих специалистов с помощью изложения системы знаний по изучаемой дисциплине. Это ограничивает тематику содержания текста, что выражается естественным образом в его словарном составе.

Основу лексического состава анализируемого текста составляет общезыковая лексика. Однако доля терминов в его словарном составе достаточно высока. Было выявлено, что полная страница текста без графиков и таблиц, содержащая только текст, состоит из 680 – 700 слов, значительную часть которых составляет специальная экономическая лексика в количестве 140 – 150 единиц, т.е. 21,4% лексического состава. Фактически пятую часть всего лексического наполнения текста.

Термины в тексте распределяются неравномерно. Есть разделы, для которых характерна высокая степень концентрации терминологических единиц, и есть менее терминологически плотные части. Так, высокая концентрация терминов наблюдается в теоретической части текста, касающейся определенной экономической темы, в которой автор знакомит с новой информацией (новым знанием), вводит новые понятия и глоссариях, прилагаемых в конце каждой главы. Низкая степень употребления терминов характерна для разделов текста, представляющих дополнительный, практический материал, который иллюстрирует теорию на конкретном примере какого-то важного события в экономике. Приведем несколько примеров.

В тематическом разделе «Foundations of modern trade theory», рассматривающем знания по теории современной торговли после вводной теоретической части следует небольшая статья «Babe Ruth and the principle of comparative advantage» объемом 555

лексических единиц, в которой отсутствует специальная лексика. Очевидно, что автор намеренно делает такой переход к легкодоступному пояснительному тексту, после прочтения которого изученное ранее теоретическое знание легче усваивается и закрепляется в памяти.

В разделе «Trade barriers» содержатся теоретические знания по торговым ограничениям и закрепляются статьей из американской ежедневной газеты «The New York Times» – «Swimming upstream: the case of Vietnamese catfish». Данная статья касается торгового конфликта между Вьетнамом и США, который является практическим примером изложенных теоретических знаний. Здесь присутствует терминологическая лексика в количестве 40 единиц (7%) от 476 лексических единиц общего объема данной статьи.

Следующий тематический раздел «Trading arrangements» так же начинается с теоретического, терминологически насыщенного материала. Далее следует статья «Did Britain gain from entering the European Union? Trade creation versus trade diversion», которая демонстрирует ситуацию в экономике Великобритании до и после вступления в Европейский Союз. Из 450 лексических единиц терминами являются 35 слов (около 8%).

В целом, вышеизложенные результаты исследования лексического состава текста приводят нас к заключению о высокой степени его специализированности, что говорит о том, что текст предназначен для профессиональной целевой аудитории, владеющей базовыми знаниями экономической науки и переходящей к углубленному изучению экономических знаний, а конкретно – международной экономики.

В рамках данного исследования необходимо обратиться к такому понятию как «лексико-семантическое поле». При изучении научной литературы было выяснено, что в определениях семантического поля, лексико-семантического поля, лексико-семантической группы и их границ между исследователями нет единства. Следовательно, необходимо определить иерархию данных понятий. Мы опираемся на определение, данное в лингвистическом энциклопедическом словаре, а также на концепцию В. А. Белошапковой, согласно которой «семантическое поле – наиболее общий термин, он является гиперонимом по отношению к таким понятиям, как лексико-семантическое поле, функционально-семантическое поле, метафорическое поле, ассоциативное поле и т. д. Соответственно, вышеуказанные термины являются по отношению друг к другу со-, когипонимами. Лексико-семантическая группа, в свою очередь, является подвидом внутри лексико-семантического поля. Семантическое поле – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением [1, с. 265].

Как было сказано выше, в современной лексикологии ученые нередко терминологически смешивают данные понятия. С. Д. Кацнельсон называет лексико-

семантическое поле понятийным; Ю. С. Сорокин – тематической группой. Д. Н. Шмелев называет лексико-семантическое поле «лексико-семантической парадигмой» [5, с. 85].

Однако, по нашему мнению, предпочтительнее разграничивать данные понятия: семантическое поле, лексико-семантическое поле и лексико-семантическая группа, так как первое включает в себя второе, а второе – третье. Собственно термин «лексико-семантическое поле» стал употребляться гораздо позже, чем «семантическое поле», когда значительно расширились границы привлекаемого к анализу материала и термина «семантическое поле» стало уже недостаточно.

Наиболее полно свойства лексико-семантического поля обозначила И. И. Чумак-Жунь, выделив шесть признаков лексико-семантического поля: присутствие архилексемы, выделение в поле микрополей, коррелятивность семантических единиц внутри поля, взаимоопределяемость и взаимозаменяемость элементов внутри поля, тесная связь между всеми ЛСП языка, возможность включения ЛСП в поле более высокого уровня [7]. Именно данную концепцию мы используем в анализе лексико-семантических полей.

Таким образом, лексико-семантическое поле является определенной группой слов или словосочетаний, объединенных одним родовым значением, которое образует ядро поля. Лексико-семантическое поле состоит из единиц, по своим значениям находящихся на разном «расстоянии» от ядра поля, т.е. в ближней и дальней периферии поля.

В данной статье рассматривается одно из глобальных лексико-семантических полей текста «International trade relations» из учебника «International Economics», которое в свою очередь подразделяется на четыре микрополя:

1. Торговля (Trade);
2. Тарифы (Tariffs);
3. Торговые ограничения (Trade barriers);
4. Правила торговли и торговая политика (Trade regulations and trade policies).

Следует уточнить, что интерпретация текста – представление его в виде макрополей – не может не зависеть от интерпретатора текста: «Интерпретация текста опирается, прежде всего, на понимание текста адресатом, который, исходя из своих знаний (лингвистических и экстралингвистических), пытается понять замысел автора текста, реконструировать модель представления информации, выраженной в данном тексте» [4, с.180]. Другими словами, определяя отнесенность того или иного слова-термина, мы опираемся прежде всего на его словарное значение, поскольку интерпретатор не является экспертом в области экономического знания.

Перейдем к рассмотрению указанных микрополей, которые состоят из ядерных лексем, лексем ближней и дальней периферии. Такое деление основано на семантических признаках лексических единиц, входящих в каждое микрополе.

1. Структура микрополя «Торговля» (Trade) организуется следующим образом.

Ядро поля «Trade» (торговля) представлено следующими терминами: *basis of trade* (основа торговли), *terms of trade* (условия торговли), *international trade* (международная торговля), *free trade* (свободная торговля), *mercantilism* (меркантилизм), *mutually beneficial trade* (взаимовыгодная торговля).

Периферию составляет ряд терминов, объединенных архисемой «advantage» (преимущество): *consumption gains* (рост потребительской активности), *absolute advantage* (абсолютное преимущество), *comparative advantage* (сравнительное преимущество), *production gains* (прирост объемов производства).

Дальняя периферия «Costs» (издержки) включает термины: *opportunity costs* (альтернативные издержки), *economic costs* (экономические издержки), *fixed costs* (постоянные издержки), *variable costs* (переменные издержки).

2. Микрополе «Тарифы» (Tariffs) имеет следующую структуру.

Ядро «Tariff» (тариф): *advalorem tariff* (адвалорная пошлина), *compound tariff* (смешанный тариф), *tariff rate* (тарифная ставка), *nominal tariff rate* (номинальная тарифная ставка), *optimum tariff* (оптимальный тариф), *protective tariff* (протекционистская пошлина), *revenue tariff* (фискальный тариф), *scientific tariff* (научный тариф), *specific tariff* (специальный тариф), *tariff escalation* (повышение тарифа).

Периферия «Loss» (убыток): *dead weight loss* (чистые издержки монополии), *abnormal loss* (чрезмерный убыток), *exchange rate loss* (курсовой убыток).

Дальняя периферия «Surplus» (излишек): *consumer surplus* (излишек потребителя), *producer surplus* (излишек производителя), *capital surplus* (излишек капитала).

3. В микрополе «Торговые ограничения» (Trade barriers) лексические термины структурируются следующим образом:

Ядро «Dumping» (демпинг): *antidumping duty* (антидемпинговая пошлина), *dumping* (искусственное занижение цен), *margin of dumping* (демпинговая разность).

Периферия «Quota» (квота): *global quota* (общая квота), *import quota* (квота на импорт), *tariff quota* (тарифная квота).

Дальняя периферия «Restraint» (ограничение): *voluntary export restraint* (добровольное ограничение экспорта), *budget restraint* (ограничение бюджетных расходов), *monetary restraint* (валютное ограничение).

4. Рассмотрим структуру микрополя «Правила торговли и торговая политика» (Trade regulations and trade policies):

Ядро «Export» (экспорт): *export control* (экспортный контроль), *export-oriented policy* (экспортно-ориентированная политика).

Периферия «Trade policy» (торговая политика): *import substitution* (импортзамещение), *reciprocal trade* (торговля на основе взаимности), *strategic trade policy* (стратегическая торговая политика), *countertrade* (встречный товарообмен), *trade market* (общий рынок).

Дальняя периферия «Nation» (страна): *advanced nations* (развитые страны), *developing nations* (развивающиеся страны).

Полученные данные отразим в таблице в виде корреляции частотности употребления экономических терминов (см. Таблица 1).

Таблица 1

Корреляция частотности употребления экономических терминов

Лексико-семантическое-поле	Структура лексико-семантического поля	Частотность употребления экономических терминов (количество единиц)
1. Trade	Ядро:	
	<i>Basis of trade</i>	70
	<i>Terms of trade</i>	75
	<i>International trade</i>	90
	<i>Free trade</i>	85
	<i>mercantilism</i>	78
	<i>mutually beneficial trade</i>	69
	Периферия:	
	<i>Consumption gains</i>	44
2. Tariffs	<i>absolute advantage</i>	45
	<i>comparative advantage</i>	49
	<i>production gains</i>	39
	Дальняя периферия:	
	<i>Opportunity costs</i>	19
	<i>Economic costs</i>	17
	<i>Fixed costs</i>	14
	<i>Variable costs</i>	19
	Ядро:	
	<i>Advalorem tariff</i>	69
	<i>Compound tariff</i>	72
	<i>Tariff rate</i>	70
	<i>Nominal tariff rate</i>	65
	<i>Optimum tariff</i>	60
	<i>Protective tariff</i>	66
	<i>Revenue tariff</i>	67
	<i>Scientific tariff</i>	59
	<i>Specific tariff</i>	61
	<i>Tariff escalation</i>	68

	Периферия: <i>Deadweight loss</i>	38
	<i>Abnormal loss</i>	40
	<i>Exchange rate loss</i>	32
	Дальняя периферия: <i>Consumer surplus</i>	21
	<i>Producer surplus</i>	20
	<i>Capital surplus</i>	14
3. Trade barriers	Ядро: <i>Antidumping duty</i>	52
	<i>dumping</i>	48
	<i>margin of dumping</i>	45
	Периферия: <i>Global quota</i>	25
	<i>Import quota</i>	29
	<i>Tariff quota</i>	28
	Дальняя периферия: <i>Voluntary export restraint</i>	14
	<i>Budget restraint</i>	11
	<i>Monetary restraint</i>	12
4. Trade regulations and trade policies	Ядро: <i>Export control</i>	72
	<i>export-oriented policy</i>	67
	Периферия: <i>Import substitution</i>	49
	<i>Reciprocal trade</i>	47
	<i>Strategic trade policy</i>	40
	<i>Countertrade</i>	49
	<i>Trade market</i>	48
	Дальняя периферия: <i>Advanced nations</i>	13
	<i>Developing nations</i>	16

Итак, отнесенность лексики к определенному полю, и терминов особенно, ограничена темой и содержанием текста, поэтому большинство зафиксированных терминов относится к вышеуказанным лексико-семантическим полям.

Анализ показал, что граница между терминами, выделяемыми по полям и микрополям, достаточно зыбкая. Необходимо отметить также наличие в тексте юридической терминологии, представленной, однако, в незначительном количестве. В основном случаи употребления юридической терминологии касаются заключения каких-либо сделок, названий нормативных документов и ссылок на законодательные акты, сообщить о которых является необходимым: *charter* (устав), *corporate agreement* (корпоративный договор), *the Service Agreement* (договор об оказании услуги), *the Law on the commercial register* (закон о торговом реестре), *the Companies Act* (закон об акционерных обществах), *the declaration*

(декларация), *accounting principles* (принципы бухгалтерского учета), *International Financial Reporting Standards (IFRS)* (международные стандарты бухгалтерской отчетности (МСФО)), *Generally Accepted Accounting Principles (GAAP)* (общепринятые принципы бухгалтерского учета), *insurance supervision* (страховой надзор), *Code of obligations* (кодекс обязательств), *preferential subscription right* (преимущественное право подписки на акции), *the conversion right* (конверсионное право) и т. д. С точки зрения принадлежности терминов к частям речи термины представлены преимущественно терминами-существительными. Так как лексические единицы юридической тематики встречаются в тексте крайне редко, то их можно выделить в отдельное поле, назвав его «смежным полем», но подвергать дальнейшему анализу не считаем необходимым ввиду его незначительного объема (17 лексических единиц).

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

- 1) определена количественная доля терминов, которая занимает практически пятую часть от общего лексического состава текста, что приводит нас к заключению о том, что текст обладает высокой степенью специализированности;
- 2) выявлены различия в терминологической плотности отдельных частей текста, поскольку термины распределяются в тексте неравномерно, что обусловлено целями преподносимой информации. Соответственно теоретические части текста отличаются высокой концентрацией терминов;
- 3) описана структура и лексическое наполнение лексико-семантического поля «International trade relations», которое включает в себя четыре микрополя: «Trade», «Tariffs», «Trade barriers», «Trade regulations и trade policies». С помощью полевого метода исследования в каждом микрополе вычленяется ядро, периферия и дальняя периферия экономических терминов на основе их семантических признаков, а также определена частотность употребления исследуемых терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. – М.: Азбуковник, 1999. – 800 с.
2. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. – М.: Русский язык, 1976. – 192 с.
3. Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: учебник. – СПб., 1996. – С. 68–90.
4. Долбунова Л. А., Абрашкин М. В. Когнитивное моделирование текста (на материале англоязычного правового документа) // Актуальные проблемы современной науки: сб.

ст. Междунар. науч.-практич. конф. 13–14 дек. 2013 г. в 4 ч. – Ч. 3. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 180–187.

5. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. – М.: УРСС, 2004. – 152 с.

6. Carbaugh R. J. International Economics. – South-Western College, 2008. – 530 p.

7. Чумак-Жунь И. И. Лексико- семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина: состав, структура, функционирование: дис... канд. филол. наук. – К., 1996. – 185 с.

АГРАШЕВА О. Е.

РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Аннотация. В статье рассматриваются основные стратегии, тактики и виды манипулирования, применяемые в современной политической сфере. На основе анализа публичных выступлений ряда политических деятелей США показывается важность знания речевых манипулятивных техник для успешной реализации политических целей.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, манипулятивные речевые стратегии, манипулятивные речевые тактики, политический дискурс.

AGRASHEVA O. E.

SPEECH MANIPULATIONS IN POLITICAL DISCOURSE OF THE U.S.Y.

Abstract. The article considers the main strategies, tactics and types of manipulations used in the modern political sphere. An analysis of public speeches of current US politicians proves the importance of speech manipulative techniques for successful achievement of political goals.

Keywords: manipulation, persuasion, manipulative speech strategies, manipulative speech tactics, political discourse.

Манипуляция – это воздействие, осуществляемое посредством целого набора приемов, которые позволяют подчинить чужую волю. Слово «манипуляция» для большинства людей обладает отрицательной коннотацией, что нашло свое отражение в словарях. Для примера приведем определения слова «манипуляция» из ключевых толковых словарей русского, английского и французского языка. Так, в словаре С. И. Ожегова второе значение слова «манипуляция» следующее: Проделка, махинация (неодобр.) [11]. В Oxford dictionary второе значение данного слова выглядит так: The action of manipulating someone in a clever or unscrupulous way [7]. В словаре Larousse четвертое и пятое значения рассматриваемого слова таковы: Action de procéder à des opérations frauduleuses sur des chiffres, des données pour obtenir un résultat plus favorable; Action d'orienter la conduite de quelqu'un, d'un groupe dans le sens qu'on désire et sans qu'ils s'en rendent compte [8].

Поскольку словари отражают суть реально существующих явлений, то можно сделать вывод о том, что в обществе, независимо от государства и национальности, на достаточно регулярной основе имеют место манипулятивные действия именно отрицательного характера, что и искажает истинное предназначение манипулятивного воздействия. В теории манипуляция должна нести в себе нравственный посыл, сопрягаться с тонким чувствованием ситуации, только тогда ее результативность действительно будет во благо.

В целом, на сегодняшний день манипуляции в лингвистике недостаточно хорошо изучены. Существуют лишь отдельные мнения ученых, делающих попытки по-своему объяснить суть данного понятия. Так, И. В. Сентенберг и В. И. Карасик рассматривают речевые манипуляции как псевдоаргументацию (т.е. нарушение аргументации). Т. М. Николаева считает, что это своеобразное средство воспитания в ситуации «коммуникативного саботажа» и лингвистической демагогии. К. Л. Бове и У. Д. Аренс представляют речевую манипуляцию средством достижения цели через убеждение [4].

Манипуляции разного характера встречаются в жизни любого человека, поэтому понимание функционирования данного механизма необходимо для правильного осознания собственной роли в процессе манипулирования. Особенно важна роль манипуляции на политической арене, поскольку здесь непрерывно ведется борьба за власть. Язык политики выступает в роли связующего звена между обществом и властью [1]. Умная политическая манипуляция – это такая манипуляция, которую не нужно скрывать, поскольку она реализуется посредством языка, грамотно составленной речи, и тот, на кого направлено воздействие, должен быть уверен, что выполняет собственную волю, сам принимает решения, поэтому манипуляции в политическом дискурсе представляют собой целое искусство.

Условия глобализации способствуют возникновению такой социально-психологической ситуации в обществе, что к манипуляции в политическом дискурсе проявляется дополнительный повышенный интерес. Если говорить о применении манипуляционных действий борцами за власть по отношению к электорату, то здесь ситуация такова, что та часть населения, которая не сильно разбирается в тонкостях политики, практически лишена возможности реализовать свои непредвзятые симпатии и интересы. Многие политологи заявляют о низкой политической культуре, существующей сегодня в обществе, что лишь упрощает задачу манипуляторов [2].

Поскольку манипуляция – это воздействие, нужно иметь представление о таких способах речевого воздействия, как персуазивность и суггетивность. Персуазивность (от лат. *persuadere* – уговаривать) – это такое воздействие посредством языка, при котором на адресата влияют путем убеждения или переубеждения. В данном случае цель речевой деятельности заключается в формировании нужного отношения у адресата, которое будет способствовать реализации дальнейших намерений адресанта. Суггетивность (от лат. *suggere* – внушать) – это воздействие, основанное на скрытом внушении. Полное отсутствие осознания происходящей перестройки собственных убеждений является отличительной особенностью суггетивности от персуазивности. В связи с этим возникает вопрос о том, в каких взаимоотношениях между собой находятся манипуляция, персуазивность и

суггетивность. Чернявская Е. В. в своей работе «Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия» рассматривает речевые манипуляции как особый тип персуазивности, поскольку основная цель речевой манипуляции – вызвать у адресата необходимое манипулятору отношение к объекту, независимо от желаний и интересов самого адресата. Последний, в свою очередь, не должен распознать эту коммуникативную установку, что роднит речевую манипуляцию с суггетивностью [5].

В политическом дискурсе существуют различные виды манипулирования, являющиеся неотъемлемой частью любой стратегии. Шейгал Е. И. выделяет два вида манипулирования, которые, в свою очередь, делит на подвиды [6, с.173-174].

1. Референциальное манипулирование – искажение образа денотата/референта в процессе обозначения действительности:

а) фактологическое манипулирование (любые изменения в отношении реальных фактов: преувеличение, преуменьшение, сокрытие, подтасовка, ложь и т.п.)

б) фокусировочное манипулирование (изменение фокуса освещения события, высказывания, поведения и т.д., связанного с денотатом, с целью восприятия ситуации адресатом в выгодном манипулятору свете).

2. Аргументативное манипулирование – искажение постулатов общения:

а) нарушение логики развития текста или его цельности, выражающееся, как правило, в избегании прямого ответа, конкретных комментариев, уходе от темы;

б) уклонение от приведения доказательств путем намеренного неполного изложения всей имеющейся информации или формулирования высказывания в неопровержимой форме;

в) маскировка логических ходов.

Говоря о речевой манипуляции, выделяют три категории понятий: манипулятивные речевые стратегии, манипулятивные речевые тактики и манипулятивные речевые приемы. Стратегия – это совокупность распланированных ходов манипулятора, направленных на достижение цели. В ходе реализации стратегии используются различные манипулятивные тактики, т.е. конкретные речевые акты, требуемые на соответствующем этапе реализации манипулятивной стратегии. Любая тактика, в свою очередь, осуществляется с помощью приемов – способов построения текста или отдельного высказывания с применением определенных лексических средств и синтаксических конструкций.

По мнению О. Л. Михалевой, стратегии на понижение, на повышение и нейтральности являются основными в речевой манипуляции [3]. Каждой стратегии присущ свой набор тактик. Так, например, к первому типу можно отнести:

- а) тактику анализ-минус (скрытое проявление негативного отношения к объекту);
- б) тактику оскорбления (явное нанесение обиды объекту);
- в) тактику обвинения (открытое приписывание вины либо за совершение предосудительных поступков, либо за личные отрицательные качества, неподкрепленное конкретными аргументами);
- г) тактику безличного обвинения (более сдержанное изложение того же вида вины, как и в тактике обвинения, без прямого указания на объект);
- д) тактику обличения (более конкретизированный вариант тактики обвинения, т.е. с использованием реальных фактов, подтверждающих обвинение);
- е) тактику угрозы (либо объект рассматривается как потенциальная или реальная угроза, либо это угрожающее намерение, направленное на объект).

Стратегии на повышение свойственны такие тактики, как:

- а) тактика анализ-плюс (тактика анализ-минус с точностью до наоборот);
- б) тактика презентации (презентация наиболее сильных, положительных сторон объекта);
- в) тактика неявной самопрезентации (тактика презентации в отношении самого говорящего);
- г) тактика отвода критики (оправдание совершенных действий и поступков, подкрепленное веской аргументацией);
- д) тактика самооправдания (тактика отвода критики в отношении говорящего, главным образом направленная на снятие вины).

У стратегии нейтральности больше всего тактик. Приведем некоторые из них:

- а) тактика побуждения (осуществление призыва к действию);
- б) тактика провокации (как крайнее выражение тактики побуждения);
- в) тактика кооперации (обращение к тем нерушимым идеалам, ценностям, которые находятся в объективе речевой манипуляции);
- г) тактика размежевания (нахождение и дальнейшая акцентуация расхождений в позициях);
- д) тактика информирования (изложение реальных фактов без какой-либо характеристики по отношению к ним) и др.

При выборе той или иной стратегии необходимо помнить, что у каждой есть свои плюсы и минусы. Кроме того, стратегия будет эффективна лишь в том случае, если знать обо всех возможных последствиях ее применения. Так, например, использование стратегии на понижение в отношении известных политиков привлекает большее внимание, особенно в

условиях общего преобладания стратегии на повышение. Но злоупотребление стратегией на понижение может вызвать либо сочувствие к объекту манипулирования, либо равнодушие к любым новым известиям. Излишне активная и явная стратегия на повышение способна вызвать зависть и раздражение. Вышеизложенное как раз доказывает предположение о том, что применение стратегий не всегда может использоваться по их прямому назначению, обратный эффект также имеет место быть.

Количество приемов речевой манипуляции доподлинно назвать невозможно, поскольку постоянно возникают новые, различные ученые выделяют разные классификации, ориентируясь на определенные наборы критериев. Кроме того, в разных классификациях можно наблюдать наличие по сути одних и тех же приемов, но названия они носят разные, и могут презентоваться немного по-разному. Обобщая идеи О. Л. Михалевой, М. Н. Кошевниковой, П. Б. Паршина, Р. М. Блакара, В. Е. Чернявской можно представить обобщенное деление приемов следующим образом:

- 1) приемы, основывающиеся на особой подаче информации;
- 2) приемы, строящиеся на явлениях различных уровней языковой структуры:
 - а. фонетический уровень;
 - б. лексический уровень;
 - в. грамматический уровень.

К первой группе относятся приемы, главным образом, связанные с проявлениями человеческой сообразительности и юридической грамотности, поэтому к лингвистике они имеют опосредованное отношение. Сюда можно отнести дробление, частичное утаивание и искажение информации, спекуляцию сенсациями, создание ложной срочности, смешение информации объективного и субъективного характеров и др. Действие этих приемов тесно связано с явлениями белой, серой и черной пропаганд, различным психологическим воздействием на манипулируемых вплоть до погружения в депрессивное, паническое и другие виды состояний. В этой группе отдельным подвидом можно выделить графический уровень восприятия информации, где работает метаграфемика и супраграфемика.

Ко второй группе относятся приемы, связанные с непосредственным оформлением речи согласно структурным особенностям языка. Фонетический уровень, конечно же, в первую очередь рассчитан на аудитивное восприятие информации, поэтому здесь особенно важен тон, интонация, темп речи, паузация, мелодика, тембр голоса. П. Б. Паршин также отмечает интересную ассоциативную составляющую между звуками и их восприятием, таким образом затрагивая явления фоносемантики. Например, обилие в речи звука [r] может ассоциироваться с недружелюбным или даже агрессивным посылом, а наличие звука [l], особенно в сочетании с гласными, наоборот придает речи приятную плавность и мягкость.

Также к фонетическому уровню можно отнести использование рифмы и звуковое подобие. Например, на одно из предвыборных мероприятий Дональда Трампа в штате Вирджиния неизвестный мужчина принес плакат, на котором одна из надписей была следующей «Killary Rotten Clinton».

Лексический уровень – самый богатый на приемы, поскольку здесь обнаруживаются явления разного характера. Первым делом необходимо принять во внимание тот факт, что все слова обладают коннотативным значением, т.е. несут в себе определенный эмоциональный заряд. Заменяя какое-либо слово в целом синонимичным, но все же в определенной мере отличающимся коннотативно, можно серьезно изменить посыл высказывания, например, a spy – a scout, to kill – to eliminate. К тому же разряду приемов можно отнести использование эвфемизмов и дисфемизмов. В первом случае, это, например, замена слова «war» на словосочетание «antiterrorist operation» или слова «establishment» на фразу «reinstatement of constitutional order». Во втором случае, это использование более экспрессивных выражений: вместо глагола «to kill» употребление фразеологизма «to kick the bucket»; вместо общеупотребительного существительного «a conversation» использование разговорного слова «a chinwag».

Политические деятели в своих выступлениях часто используют такой речевой прием как игра слов. Яркий пример – прошедшие выборы сорок пятого Президента США. Во время предвыборной гонки американские СМИ охотно освещали «перлы» кандидатов. Например, в одном из своих выступлений Дональд Трамп в термин «stablemates» вкладывает двойное значение. Если рассматривать лексическую единицу «stablemates» как сложное слово, то оно обладает значением «лошади одной конюшни, однокашники, боксеры одного менеджера», а если говорить о словосочетании «stable mates», то оно значит «надежные партнеры». В выступлениях Хиллари Клинтон большое воздействие имеет прием генерализации, поскольку, в каждом своем обращении к электорату она активно использует местоимения «we, us, our» и в целом строит речь таким образом, чтобы у получателя складывалось некое ощущение единения с другими представителями своей нации.

На грамматическом уровне особенно популярно использование безличных конструкций, поскольку они помогают абсолютно легально уйти от упоминания субъекта действия без применения приемов первой группы, описанных выше. В. Е. Чернявская считает, что использование таких конструкций оказывает дополнительный эмоциональный эффект на адресата, как и использование риторических вопросов. Примеры использования таких конструкций можно найти в речах Дональда Трампа и Барака Обамы: North Korea is a problem. The problem will be taken care of [10]; It's important for us to recognize that when over 1,000 people are killed, including hundreds of innocent children, through the use of a weapon that

98 or 99 percent of humanity says should not be used even in war, and there is no action, then we're sending a signal that that international norm doesn't mean much [9]; Dropping bombs on someone to prove that you're willing to drop bombs on someone is just about the worst reason to use force [9].

На сегодняшний день манипуляция серьезно обосновалась в политическом дискурсе. Знание правил манипуляции, анализ работы механизма этого явления в совокупности с правильным пониманием состояния и запросов социума может помочь любому политическому лидеру в борьбе за власть и продвижении собственных политических интересов. Залог удачного манипулирования в политическом дискурсе – это осознание первостепенного значения конечной цели. В зависимости от нее будут выбираться стратегия, тактики и приемы манипулирования. Тщательный отбор лингвистического инструментария поможет сохранить манипулятивные процессы вне зоны осознания и гарантирует их эффективную результативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенкова Е. А. Инаугурационная речь в коммуникативном пространстве политического дискурса (на материале инаугурационной речи Б. Обамы) // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты материалы международной школы-семинара (V Березенские чтения). – М.: Академия социального управления, 2009. – С. 13–15.
2. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М., 2003. – 153 с.
3. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 289 с.
4. Рижинашвили И. У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 17 с.
5. Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 136 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Гнозис, 2004. – 328 с.
7. English Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
8. Larousse. Dictionnaires de français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.

9. The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.
10. Trump on dropping 'MOAB' in Afghanistan: 'Don't know' if sends message to North Korea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://insider.foxnews.com/2017/04/13/donald-trump-remarks-mother-all-bombs-dropped-afghanistan/>.
11. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.

ЧУДИЛИНА Д. П.
ФОНЕТИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ВАЛЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются разноуровневые лингвистические особенности валлийского варианта английского языка на материале текстов речей премьер-министра Уэльса Каруина Джонса, народных сказок Уэльса, а также на примере кинодискурса. Отдельное внимание уделяется процессу становления и этапам развития данного регионального стандарта, объяснению места валлийского английского в современной языковой картине Уэльса.

Ключевые слова: валлийский английский, региональный стандарт, анализ, уровни языка, социолингвистическая ситуация.

CHUDILINA D. P.
PHONETIC, GRAMMATICAL, AND LEXICAL
CHARACTERISTICS OF WELSH ENGLISH

Abstract. The article examines Welsh English on various linguistic levels by analyzing the speeches of Carwyn Howell Jones, the Prime Minister of Wales, Welsh folk tales, and film discourse. The article focuses on the process of emergence and the stages of development of the regional standard as well as explaining the place of Welsh English in the current linguistic map of Wales.

Keywords: Welsh English, regional standard, analysis, linguistic levels, sociolinguistic situation.

На сегодняшний день английский язык, являясь языком международного общения, используется во всем мире. В зависимости от географического положения и социальной стратификации существуют диалекты, социолекты, а также национальные и региональные варианты английского языка, одним из которых является валлийский английский.

Современная социолингвистическая ситуация в Уэльсе отражает многовековую историю взаимодействия английского языка с кельтскими языками, в частности с валлийским языком. Английский, на котором говорят в этой местности, несет в себе множество заимствований из языка коренного населения. Известно, что английский вступил в контакт с валлийским языком на три века раньше, чем с шотландским и ирландским. Уставы, которые распределяли статусы английского и валлийского языков (1535, 1542), были изданы гораздо раньше, чем Акты Объединения в Шотландии (1707) и в Ирландии (1800) [5].

Тесное взаимодействие двух языков привело к тому, что на сегодняшний день английский язык в Уэльсе представлен следующими формами: British English (британский вариант), Welsh English / Wenglish (региональный стандарт британского варианта), Anglo-Welsh (англо-валлийский диалект), Scouse (ливерпульский диалект английского) [2].

Под региональным стандартом понимается функционально ограниченная разновидность языка, используемая ограниченной группой индивидов в ограниченном числе сфер деятельности и в различных актах коммуникации. Основной функцией регионального стандарта, также как и диалекта, является функция повседневного общения [1].

Носителями регионального стандарта Wenglish выступают жители городов Южного Уэльса и равнин. Английский язык на территории Уэльса неоднороден и имеет сложную подсистему, включающую, помимо собственно стандарта, территориально обусловленные диалекты, которые могут значительно различаться. Это различие наиболее явно выражается в фонетике. Отмечено, что западные и северо-западные диалекты сохранили большее количество элементов из валлийского языка, в то время как южные и юго-восточные диалекты с развитием промышленности в этих регионах были подвержены более сильному влиянию со стороны набирающего популярность английского. Тем не менее, нет ярко выраженных границ между англо-валлийскими диалектами, которые в последнее время все больше и больше вытесняются региональным языковым стандартом [1]. Ниже приводятся примеры рассматриваемого регионального стандарта:

(1) There's twp (stupid) I've been. – How stupid I've been.

(2) There's nice to see you. – It's nice to see you. [6]

Начальным этапом становления валлийского английского принято считать период с конца 18 века до 1840 года. Это время связано с промышленным развитием Южного Уэльса, который прежде был районом сельскохозяйственной направленности, но в 18 веке на этой территории были обнаружены залежи угля, что вызвало приток рабочих из разных уголков страны, носителей английского языка. Изначально валлийский язык превалировал на этой территории, но с течением времени в процессе производственной деятельности он неизбежно начал вступать в контакт с разговорными формами английского, что привело к активному заимствованию валлийских элементов и особенностей в английский язык (включая характерную интонацию). На юге и северо-востоке страны вскоре установилась ситуация диглоссии.

Первую половину 20 века, а именно период с 1900 по 1945, принято считать классическим периодом валлийского английского. В Долинах Южного Уэльса английский начинает преобладать над коренным языком, в то же время заимствуя из него различные языковые единицы и формы.

С окончанием Второй Мировой Войны начинается постклассический период развития валлийского английского. В это время возрастает роль СМИ и телевидения, а вместе с этим и влияние британского и американского английского [3].

Применение валлийского английского в официальной сфере ставится под сомнение в связи с тем, что в нем отсутствуют, в частности, лексические единицы с терминологическим значением. Однако, региональный стандарт предоставляет более широкие возможности для выражения говорящим своих мыслей и эмоций, так как лексический фонд регионального варианта изобилует экспрессивной лексикой и словами с эмоциональными коннотациями. Валлийский английский богат простыми, короткими словами и выражениями, практически не имеет в своем составе латинских заимствований, которые звучат чуждо в потоке речи и не следуют правилам образования множественного числа и т.д. В валлийском английском присутствуют эквиваленты лексики британского варианта. Например, слово *disappointment* передается словосочетанием *flat shot*, а лексема *nutritious* имеет стилистически нейтральный субститут *feeding*. Ниже приводятся другие примеры: *gossip* “clecs”; *place, spot/cuddle, hug* “cwthch”; *slovenly in housekeeping* “didoreth”; *fair play* “ware tag”; *playing truant* “mitching” [4].

Особенности регионального стандарта Welsh English ярко проявляются в текстах валлийских народных сказок: “The Lady of Llyn y Fan Fach”, “Egg-Shell Pottage”, “The Legend of Pantannas”, “Taffy ap Sion And The Fairy Ring”, “The Sunken City of Llyn Bala”. Анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что в фольклоре редки случаи употребления лексических оборотов валлийского варианта английского языка. Наибольшее количество примеров представлено в синтаксисе, например, двойное отрицание: **Not** a single of them was **not** to be seen about the fields; использование аналитической конструкции с *do*. Как правило, она используется для обозначения повторяющегося действия, в следующем примере наблюдается еще один случай ее употребления – специальный вопрос: What **do** is this?

Обращает на себя внимание тот факт, что текст наполнен лексикой языка коренного населения Уэльса. Валлийская лексика представлена именами собственными двух семантических групп.

1. Географические названия, а именно названия озер и городов: Blaensawde, Llandeusan, Myddvai, Llidiad y Meddygon, Pant y Meddygon, Myddvai, Treveglwys, Llanidloes, Montgomery, Llyn Ebyr, Merthyr Tydfil, Pant yr Aros, Glanrhyd, Llyn Bala.

2. Имена персонажей: Gronw, Nelferch, Rhiwallon, Gwr Cyfarwydd, Pen Craig Daf, Rhyderch, Gwerfyl, Teg, Taffy ap Sion, Sion Evan y Crydd o Glanrhyd, Catti Shon, Tegid, Ceridwen.

Особенности современного регионального стандарта проявляются и в политическом дискурсе, в том числе в речах премьер-министра Уэльса Каруина Джонса. В текстах его речей были обнаружены следующие регионально маркированные фонетические особенности.

1. На месте звука [aʊ] используется более лабиализованный дифтонг, приближенный по качеству к [əʊ]: *now* [nəʊ], *around* [ə'raʊnd], *proud* [prəʊ].

2. В валлийском английском случаи употребления секундарного ударения встречаются чаще, чем в Received Pronunciation, что приводит к изменению качества гласных. Данный процесс наблюдается в следующих примерах: 1) **Interest**: RP – [ˈɪnrəst], Welsh English – [ˈɪn,trest]. Вследствие наличия вспомогательного ударения звук [ə] изменяется в [e]; 2) **Campaign**: RP – [kæm'reɪn], Welsh English – [ˌkəm'reɪn]. Под влиянием секундарного ударения на первом слоге долгий открытый звук [æ] заменяется кратким закрытым [ʌ].

3. Слово *year* произносится как [зэ:].

4. В слове *committee* наблюдается сдвиг ударения с последующим удлинением конечного гласного: [kəmi'ti:].

5. Звук [ɹ], стоящий в интервокальной позиции, произносится в ряде слов как вибрانت [ɾ], а не аппроксимант [ɹ]: *prosperity*, *prosperous*, *austerity*, *very*, *spirit*, *solidarity*, *serious*, *injury*, *literal*, *entirely*, *literary*.

6. Монофтонг [æ] приближается по качеству к [ɑ] в ряде слов, например, *tax* [taks], *abandoned* [ə'bandənd], *stand* [stand], *values* [ˈvɒlju:z], *stamp* [stamp], *contracts* [ˈkɒntrakts], *branding* [ˈbrændɪŋ], *apparently* [ə'pərəntli], *wrap* [rap], *fabric* [ˈfabrɪk], *drag* [drag], *background* [ˈbækgraʊnd], *distraction* [dɪs'trækʃən], *massive* [ˈmasɪv].

7. В некоторых словах происходит озвончение согласного “s”: *persuasively* [pə'sweɪzɪvli], *translation* [trænz'leɪʃən].

8. Интервокальный связующий “r” в конструкции “there are” подвергается элизии: “There are few people in this hall as delighted as I am about the result last week...” - [ðeə].

9. Монофтонг [ʌ] реализуется в качестве редуцированного звука [ə], несмотря на то, что он находится под ударением: *number* [ˈnəmbə].

10. Притяжательное местоимение “our” произносится следующим образом: [aə]. В ряде случаев наблюдается последующая элизия дифтонга, который теряет второй элемент, вследствие чего получается монофтонг [ɑ].

11. Интонационный рисунок представляет собой чередование восходящих и нисходящих тонов, что создает так называемую “singing intonation”, характерную для

валлийского английского. Сложные предложения дробятся паузами, и внутри отдельных семантических фрагментов наблюдается повышение тона, за которым следует понижение.

It's with great pleasure that I send you the warmest greetings on behalf of the people of Wales as we celebrate our national day on March the 1st.

Рис.1 Интонационный рисунок восходящих и нисходящих тонов.

Особенности валлийского английского находят свое отражение не только в фонетике, но и в синтаксисе. Например, в сложноподчиненных предложениях употребляется дополнительный вводный элемент *that*: “... He has said **that** in the last week **that** he views the UK as being part of a family”. Пассивный залог встречается чаще, чем в британском английском: “I’m also clear that discussions now **need to be had** about the constitutional future of the UK, and it is essential that there is a seat for all nations in that constitutional discussion”.

Отличительные черты регионального стандарта Welsh English встречаются и в местном кинодискурсе (“A Run For Your Money” (1949), “The Dark” (2005), “Love You, Joseff Hughes” (2006)).

На фонетическом уровне отмечаются следующие особенности.

1. Аппроксимант [ɹ] замещается вибрантом [r], например,

Story, wonderful, right away, interfere, square, garden, glory, international, rugby, afraid, years, first, memory, bread, already, yesterday, embrace, spirit, remember, hurry up, prettiest, cream, blue ribbon, tomorrow.

2. Отчетливое произношение вибранта [r] в конечной позиции (1), в том числе и на стыке слов, причем не только перед гласными (2) (что характерно для Received Pronunciation – linking [r]), но и перед согласными (3).

1) *Manager, number, sure, liar, never, poor, other, tour, cigar, Trafalgar, pair, over.*

2) *Look for it* [lʊk fɔr ɪt], *lover of* [lʌvər ɒv], *for you* [fɔr ju], *another hour* [əˈnʌðə aʊə], *for a minute* [fɔːrə ˈmɪnɪt], *for him* [fɔːr ɪm], *for a child* [fɔrə tʃaɪld].

3) *Our good* [aʊər gud], *on your left* [ɒn jɔːr left].

3. Intrusive [r] возникает в интервокальной позиции на стыке слов при отсутствии r на письме: *Is that you, William* [ɪz ðæt juər ˈwɪlɪəm]; *idea* [aɪˈdɪər]; *I’ll leave it up to you* [aɪl liːvərɪt ʌp tuː juː]; *would like* [wɜːld laɪk], *We are famous* [wi aːr ˈfeɪməs].

4. В ряде случаев звук [ɹ] произносится как в эрных вариантах английского (rhotic accents): *right you are* [raɪt ju: ɑ:r], *where* [ˈweɪə], *I aren't done nothing* [aɪ ɑ:rnt dʌn ˈnʌɪŋ].

5. Звук [h] в начальной позиции выпадает: *To tell him* [tə tel ɪm]; *hat* [at]; *you haven't got* [ju: ˈævənt gɒt]; *I'll take it to her* [aɪl teɪk ɪt tə ɜː]; *harp* [ɑ:rp]; *for him* [fɔːr ɪm]; *I know you are here* [ɪə]; *there was some people lived up here* [ɪə]; *he needed her* [ɜː]; *to be with him* [tu: bɪ wɪð ɪm]; *to be here* [tu: bɪ ɪə].

6. Стандартный звук [æ] переходит в [ɑ]: *cash* [kɑʃ], *match* [matʃ], *hat* [at], *catch* [katʃ], *Buckingham Palace* [ˈpalaɪsə], *can* [kan], *chapel* [ˈtʃapəl].

7. Дифтонг [əʊ] переходит в [ʌ]: *over* [ˈʌvər].

На лексическом уровне случаи употребления особенностей Welsh English встречаются гораздо реже, но тем не менее они присутствуют. Например, слово *Duw* (Standard English “God”) довольно часто встречается в кинодискурсе 20 века: “*Duw, she's been pulling my leg all along!*”

В синтаксисе находят свое отражение такие характерные черты, как двойное отрицание, которое не является общепринятой формой, но допустимо в рассматриваемом региональном стандарте: *I aren't done nothing*. Часто в предложениях наблюдается потеря вспомогательного глагола “have”: *Where you been all this time?* Большое распространение получило явление, называемое *focus fronting*. Это инверсия, при которой члены предложения, стоящие в конечной позиции, переносятся в начало: *Lovely you look*. Зачастую в потоке речи персонажей Present Simple используется вместо Past Simple: *They get themselves to themselves*; а также наблюдается отклонение от правил грамматики в употреблении форм *was* и *were*: *There was some people lived up here*.

Выбор фильмов был обусловлен годом выпуска, с целью проследить, как изменилось отношение к региональному стандарту в кино с течением времени. В фильме раннего периода наряду с фонетическими особенностями обнаруживаются синтаксические, в то время как в более современных фильмах отличительные черты Welsh English отмечены только в фонетике. Более того, случаи использования форм регионального стандарта в фильме “*A Run For Your Money*” (1949) более частотны. Таким образом, в кинодискурсе наблюдается тенденция к стандартизации языковых форм; количество особенностей, характерных для регионального стандарта, заметно сократилось в течение последних пятидесяти лет (50-ые годы 20-ого века – начало 21-ого века).

В заключение необходимо подчеркнуть, что с течением времени валлийский вариант английского теряет свою популярность и утрачивает отличительные черты, что связано с влиянием британского английского (вытеснением валлийского языка из употребления). Региональный вариант английского языка, распространенный в Уэльсе, имеет

лингвистическую ценность, поскольку, будучи синтезом валлийского и английского языков, он является отличительным и неотъемлемым элементом культурного и национального наследия валлийского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е. И., Ощепкова В. В. Англо-Валлийские культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации в Уэльсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 6. – С. 33–44.
2. Емельянова Н. А. История возникновения и развития валлийского варианта английского языка (Wenglish) // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44). – С. 32–39.
3. Емельянова Н. А. Социолингвистические условия функционирования валлийского варианта английского языка (Wenglish) // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – С. 52–63.
4. Coupland N. English in Wales: Diversity, Conflict, and Change [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dlx.bookzz.org/genesis/682000/6e800a4c47b7b61636459efb5f111ea4/_as/\[Nikolas_Coupland,_Alan_R._Thomas\]_English_in_Wale\(BookZZ.org\).epub](http://dlx.bookzz.org/genesis/682000/6e800a4c47b7b61636459efb5f111ea4/_as/[Nikolas_Coupland,_Alan_R._Thomas]_English_in_Wale(BookZZ.org).epub).
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.
6. Kortmann B. A Handbook of Varieties of English. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 1226 p.

КАЙБЕЛЕВА А. А.

ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Аннотация. Политический дискурс США насыщен феноменами прецедентности, которые являются составляющими когнитивной базы в современном политическом дискурсе. В связи с этим существуют различные типы феноменов прецедентности, которые неоднократно воспроизводятся в речи политиков и функционируют как единицы дискурса.

Ключевые слова: феномен прецедентности, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, политический текст, политический дискурс.

KAYBELEVA A. A.

TYPES OF PRECEDENT PHENOMENA IN POLITICAL DISCOURSE OF THE U.S.Y.

Abstract. The political discourse of the USA is full of precedent phenomena which make the components of the cognitive base of modern political discourse. There are different types of precedent phenomena which are regularly reproduced in public speeches of politicians and function as discourse units.

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, precedent situation, precedent statement, precedent text, political discourse.

В последние годы наблюдается повысившийся интерес среди лингвистов к исследованию политического дискурса как одного из наиболее активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики. Политический дискурс стал явлением, с которым граждане любой отдельно взятой страны сталкиваются почти каждый день. В основе данной сферы общения лежит борьба за власть, которая является ее первостепенной темой и движущим мотивом. Чем демократичнее жизнь общества, тем большее внимание уделяют языку политики. В информативное пространство политического дискурса вовлечены профессиональные политики, журналисты и политологи, а также широкие массы граждан вне зависимости от их политической степени активности.

Интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться только сугубо языковыми моментами. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожидание адресата и адресанта, скрытых контекстов конкретного временного пространства [1, с. 369].

Политическую сферу жизни общества невозможно представить вне языка, который формирует основу политической коммуникации и обеспечивает взаимосвязь

общества с органами власти. Языковая реализация этого обеспечивается посредством использования различных лингвистических средств, которые позволяют достичь главной цели политического дискурса – влияния на адресата, внесения изменений в его ценностную систему и побуждения к действиям в интересах говорящего.

В частности, Е. И. Шейгал обращает внимание на особенную роль вербальной коммуникации в сфере политики. Она считает, что специфика политической сферы состоит в ее дискурсивном характере, ведь «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [8, с. 205].

По мнению В. З. Демьянкова, политический дискурс представляет собой манипулятивное общение. Исследователь считает, что политики сознательно организуют его таким образом, чтобы создать у аудитории «картину мира», которая отвечает запросам и целям, например, кандидата на пост президента, чтобы добиться нужных ему действий со стороны аудитории (поддержка, голосование определенным образом и т.п.) [5, с. 28].

Кроме того, политический дискурс обладает некоторыми характеристиками, которые определяют выбор языковых средств, позволяющих наиболее кратко и ярко воздействовать на избирателя, а также сформировать нужное отношение к какой-либо личности и побудить избирателя к принятию определенного решения. Вследствие этого, а также в силу тенденции, которая является характерной для политического дискурса в целом, различные проявления политического дискурса в той или иной форме содержат прецедентные феномены.

Таким образом, под политическим дискурсом мы будем понимать любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики, а также субъекта и адресата [9, с. 9]. Политический дискурс насыщен различными типами прецедентных феноменов, которые неоднократно воспроизводятся в речах политиков и функционируют как единицы дискурса. Это происходит вследствие интенсивного развития информационных технологий вместе с возрастающей ролью средств массовой информации и все большей театрализации политической деятельности, содействующей повышению внимания общества к политическому дискурсу [3, с. 11].

Разделяя точку зрения А. Н. Баранова, следует отметить, что прецедентные феномены являются отражением в политическом дискурсе национальных культурных традиций в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства литературы, произведений устного народного творчества [1, с. 19]. Следовательно, прецедентные феномены содействуют достижению известной степени стереотипизации дискурса, поскольку большинство представителей данного

лингвокультурного сообщества знакомо с ними. Прецедентные феномены – это образы, а не дискретные феномены, которые обеспечивают апелляцию к эмоциям, а не к разумному началу. Более того, они обладают ярко выраженной оценочностью [1, с. 19].

Под прецедентными феноменами в данной статье мы будем понимать единицы, отражающие культурные, исторические, литературные представления лингвокультурного сообщества, характеризующиеся достаточной воспроизводимостью и устойчивостью компонентного состава [7].

Согласно теории прецедентных феноменов, созданной в 1997 году исследователями Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Бугаевой, прецедентные феномены подразделяют на следующие типы.

1. Прецедентный текст, который определяют в качестве известного произведения, актуализированного в других текстах, возврат к которому управляется механизмами интертекстуальности [6, с. 47].

В частности, в своем выступлении на Национальном партийном съезде 26 августа 2008 г. сенатор Хиллари Клинтон призвала поддержать своего бывшего оппонента Барака Обаму в представительстве Демократической партии. Аргументируя свою позицию и призывая американский народ не допустить прихода к власти Республиканца Джона Маккейна, политик прибегает к использованию тактического приема прецедентности: “Barack Obama began his career fighting for displaced workers by the global economy. He built his campaign on a fundamental belief that change in this country must start from the ground up, not the top down. He knows government must be about «We the people» not «We the favored few»” [13].

Высказывание «We the people» отсылает реципиента сообщения к фоновым знаниям. Поскольку дискурс разворачивается в рамках американской общественности, в когнитивной базе каждого ее представителя существует концепт «конституция». Именно этот прецедентный текст и актуализируется в сознании носителей американской культуры при применении высказывания «We the people», которое является начальным словосочетанием главного закона Соединенных Штатов Америки (We the People of the United States).

В речи Хиллари Клинтон высказывания «We the people» противопоставляется высказыванию «We the favored few». Заменяя лексическую единицу «the people» на единицу «the favored few», она противопоставляет концепты «интересы народа» и «интересы правящей верхушки». Кроме того, лексемы «the people» и «the favored few» в дискурсе предстают контекстуальными антонимами и соответственно служат средством усиления аргументации. Таким способом Хиллари Клинтон подчеркивает сильные

стороны потенциального президентства Барака Обамы, противопоставляя их негативной оценке деятельности действующего на тот момент президента Джорджа Буша и кандидата от Республиканской партии Джона Маккейна.

2. Прецедентное имя – индивидуальное имя известного человека, персонажа произведения, артефакта, то есть связанное или с известным текстом, относящимся к прецедентным, или с ситуацией, известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или с именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [4, с. 142].

Так, Х. Клинтон использовала в своей речи прецедентное имя, которое связано со знаковыми фигурами в истории США: “Our Founders embraced the enduring truth that we are stronger together” [12]. В данном примере из политической речи, которую политик произнесла после выдвижения на пост Президента США от Демократической партии, она употребляет лексему «Founders», которая является частью прецедентного имени «Founding Fathers of the United States». Под данным прецедентным именем подразумевают «Отцов-основателей» Соединенных Штатов, жителей тринадцати британских колоний в Северной Америке, которые спровоцировали революцию против властей Британской короны, а впоследствии создали Соединенные Штаты Америки как независимое государство.

Хиллари Клинтон использует данное прецедентное имя, искусно соединяя его с лозунгом своей политической платформы («stronger together»). Политик стремится убедить аудиторию принять решение, которое необходимо в первую очередь ей самой, поэтому использует фоновые знания своих избирателей, зная, что для них свобода является важной ценностью.

Другой политик – Дональд Трамп – в своих политических речах не использует прямые обвинения, которые направлены на разоблачение предшественников, в частности Барака Обамы: “We have a disaster called the big lie: Obamacare. Obamacare...” [10]. В данном примере мы видим использование прецедентного имени «Obamacare» – измененного названия программы медицинского страхования «Medicare», образованного от слияния слов «Obama» + «care». Трамп являлся жестким противником данной программы, считая, что из-за нее страна лишилась миллионов долларов. Используя данное прецедентное имя с негативной коннотацией, Трамп хочет обличить конкурента, продемонстрировать его ошибки.

Следующий пример взят из прощальной речи Джорджа Буша-младшего перед уходом с поста президента США: “I remember talking to brave souls who charged through smoke-filled corridors at the Pentagon and to husbands and wives whose loved ones became

heroes aboard Flight 93... As the years passed, most Americans were able to return to life much as it had been before Nine-Eleven” [11].

В данном примере 42-й президент США использует прецедентные имена «Flight 93» и «Nine-Eleven». Эти прецедентные феномены являются символами одной из высочайших трагедий в американской истории – террористической атаки на башни Всемирного торгового центра. Утром 11 сентября («Nine-Eleven») террористическая группа «Аль-Каида» провела серию скоординированных атак. Два самолета врезались в башни одного из наибольших небоскребов в Нью-Йорке, третий самолет избрал своей целью Пентагон – штаб-квартиру Министерства обороны США. Целью четвертого самолета («Flight 93») изначально был Вашингтон, но он упал в поле около небольшого города в штате Пенсильвания после того, как пассажиры самолета оказали сопротивление террористам, находившимся в самолете. В когнитивной базе американской общественности, которая является основным реципиентов данной политической речи Дж. Буша-мл., присутствует олицетворение прецедентного имени «Nine-Eleven» с трагедией, а «Flight 93» – с героизмом и мужеством. Во время событий 11 сентября 2001 года многие обвиняли Джорджа Буша в бездейственности и трусости, поэтому в данной речи он отсылает реципиентов к фоновым знаниям, чтобы показать, что он сопереживает их горю, что может способствовать созданию его положительного имиджа.

Говоря об упомянутой террористической атаке, Джордж Буш сравнивает ее с другой трагедией в американской истории: “This evening, my thoughts return to the first night I addressed you from this house – September 11, 2001. That morning, terrorists took nearly 3,000 lives in the worst attack on America since Pearl Harbor” [11]. Прецедентное имя «Pearl Harbor» также является символом трагических событий, которые находят отклик у американских граждан. В 1941 году японские самолеты атаковали с воздуха американские аэродромы, расположенные на Гавайских островах и корабли ВМФ, которые стояли в гавани Перл-Харбор. Эта атака стала стартом войны в Тихом океане между Японией и США и в восприятии американской общественности считается символом вероломства и трагизма.

Таким образом, мы видим, что, заканчивая свой президентский срок, Джордж Буш выступил с речью, которая полна прецедентных имен, являющихся символами трагических событий в истории США. По нашему мнению, он поступает так, чтобы вызвать у реципиентов соответствующий эмотивный фон, продемонстрировать свою солидарность с ними, он уверенно манипулирует прецедентными именами-символами, поскольку знает, что их воспримут с сопереживанием и одобрением.

3. Прецедентная ситуация – значимое событие, которое реально происходило в жизни этноса и цивилизации. Ее знаком может быть прецедентное имя, или прецедентное высказывание или непрецедентный феномен. Таким образом, под прецедентной ситуацией следует понимать определенную «эталонную», «идеальную» ситуацию с обусловленными коннотациями [6, с. 47].

Например, в речи американского вице-президента Джо Байдена на Демократической Национальной Конвенции в поддержку кандидатуры Б. Обамы на второй срок говорится следующее: “And folks, because of the decisions he has made, and the incredible strength of the American people, America has turned a corner. The worst job loss since the Great Depression, we've since created 4.5 million private sector jobs in the past 25 months” [14]. Использованный политиком фразеологизм «turn a corner» означает выход из сложной ситуации, улучшение после тяжелого периода. Прецедентная ситуация «America has turned a corner», использованная Дж. Байденем, отсылает слушателей к решениям Обамы, которые вывели страну из финансового и ипотечного кризиса 2008 года. Джо Байден сравнивает данный кризис с тем, что был во времена «Великой Депрессии». Прецедентный феномен «the Great Depression» отсылает аудиторию к десятилетнему кризису 30-х годов XX столетия, когда американцы столкнулись с финансовым кризисом, который затронул, главным образом, промышленные города, практически прекратилось строительство, инфляция составила 30-40% и т.п.

Таким образом, Байден хочет подчеркнуть положительные качества кандидата, продемонстрировать имидж волевого и рачительного президента, который смог вывести страну из непростого положения. Все это делается с целью сформировать у аудитории нужное отношение к действующему на тот момент президенту и заставить избирателей повторно проголосовать за него.

4. Прецедентное высказывание – воспроизведенный продукт речемыслительной деятельности; завершенная и самодостаточная единица, которая может быть или не может быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений. В когнитивную базу входит само прецедентное высказывание; оно неоднократно воспроизводится в речи носителей [6, с. 47–48].

Н. С. Бирюкова обращает внимание на то, что к прецедентным высказываниям относят цитаты из текстов различного характера [2, с. 63]. Так, после завершения своего президентского срока Барак Обама обратился с речью к нации, которую завершил словами: “Yes We Can. Yes We Did. Yes We Can” [15].

Эти слова являются цитатой слогана, который Барак Обама использовал во время своей первой президентской кампании в 2008 году. Тем самым он пытается продемонстрировать, что был мудрым и эффективным лидером, который многое может сделать, и многое сумел сделать, что он не отступает от своих идеалов и принципов. А повторение лозунга «Yes We Can» во второй раз должно продемонстрировать готовность Б. Обамы к новым действиям.

Употребление личного местоимения «we», которое олицетворяет всех граждан страны, усиливает психологический натиск на аудиторию благодаря вовлечению их в проделанные свершения. Это значительно сокращает дистанцию между адресатом и целевой аудиторией, убеждая их, что они делают одно дело и преследуют общую цель.

Итак, использование в речи американских политиков прецедентных феноменов разных типов многофункционально. Прецедентные феномены дают возможность повысить информативность сообщения политического деятеля. Ведь инварианты представлений, которые стоят за определенными типами прецедентных феноменов хранятся в сознании говорящего в минимизированном, редуцированном виде. Именно эта информативная насыщенность, многообразие ассоциаций позволяет оратору посредством отсылки к фоновым знаниям передать значительное количество информации, применяя одновременно минимальные средства для ее вербализации.

Кроме того, прецедентные феномены служат средством для повышения экспрессивности и эмоциональной насыщенности политического дискурса. Они позволяют политикам достичь актуализации речи и отдельных ее частей за счет интенсификации коннотационных и ассоциативных признаков, закрепленных за прецедентными феноменами.

Следовательно, обращение к прецедентности в рамках политической деятельности служит средством воздействия на эмоциональную сферу сознания человека и, соответственно, дает возможность повысить аргументированность речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенкова Е. А. Вариативность содержательной составляющей ритуальных жанров в политическом дискурсе // Перевод в меняющемся мире: Материалы междунар. научно-практической конференции (Саранск, 2015). – М.: Азбуковник, 2015. – С. 369–373.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
3. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 60–66.

4. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. № 1 (31). – С. 9-23.
5. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 141–161.
6. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С.116–133.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
8. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>.
9. Шейгал Е. И. Вербальная агрессии в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 28. Антропоцентрические исследования. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – С. 204–221.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 368 с
11. Donald Trump Announcement Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/>.
12. George W. Bush's Farewell Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord>.
13. Hillary Clinton's Acceptance Speech at the 2016 DNC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politico.com/story/2016/07/full-text-hillary-clintons-dnc-speech-226410>.
14. Hillary Clinton's Speech at the Democratic National Convention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsday.com/long-island/politics/transcript-hillary-clinton-s-speech-at-the-dnc-1.883526>.
15. Joe Biden Democratic National Convention Speech. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npr.org/2012/09/06/160713378/transcript-vice-president-bidens-convention-speech>.
16. President Obama Farewell Speech to the Nation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fortune.com/2017/01/10/president-obama-farewell-speech-transcript>.

ЦЫБИНА Л. В., КИЧАЕВА А. В.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Статья посвящена изучению способов выражения оценки в англоязычном спортивном дискурсе. Особое внимание уделяется лексическим средствам. Материалом исследования являются тексты и видеозаписи спортивных репортажей на английском языке.

Ключевые слова: спорт, спортивный дискурс, спортивный репортаж, оценка, эмотивность, эмотивная лексика.

TSYBINA L. V., KICHAIEVA A. V.

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING ASSESSMENT IN ENGLISH SPORTS DISCOURSE

Abstract. The article deals with the ways of expressing assessment in English sports discourse. The focus is on the lexical means analysis. The study is based on the texts and videos of English broadcasts.

Keywords: sport, sports discourse, sports broadcast, assessment, emotivity, emotive vocabulary.

В наши дни спорт представляется как популярное, сложное и противоречивое социальное явление, которое занимает важное место в жизни общества. Спортивные игры представляют собой один из наиболее зрелищных и легких для восприятия видов профессиональной спортивной деятельности. Благодаря непредсказуемости результата, большой вероятности конфликтов спортивные игры вызывают разнообразные эмоции и способствуют формированию у зрителей ярких и сильных впечатлений.

Современный спортивный дискурс не только информирует о состоявшихся мероприятиях спортивного характера, но и предлагает их комментарий и анализ, что подразумевает выражение точки зрения автора, его оценку спортивной деятельности.

Таким образом, в механизмах реализации целей спортивного дискурса задействованы эмотивность и оценочность. В современных лингвистических исследованиях существует много подходов к определению категории эмотивности. Например, в работах Г. Н. Ленько под эмотивностью понимается языковое выражение эмоциональности при помощи различных средств языка [4, с. 85]. В. И. Шаховский рассматривает эмотивность не только как «прагматико-психолого-речевую категорию», но и как «лингвистическое выражение эмоций», «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать

системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [6].

Также понятие эмотивности иногда рассматривается смежно с понятием оценочности. Существует большое количество мнений относительно описания понятия оценки. Согласно Н. Д. Арутюновой, оценка связана с нормой, с системой нравственных, этических, эстетических критериев [1, с. 34]. Анализируя работы ряда лингвистов, исследующих категорию оценочности, представляется возможным придерживаться определения, предложенного Г. Н. Ленько. Согласно точке зрения данного автора, оценочность – это языковая функционально-семантическая категория. Оценочные значения имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу. Но также следует упомянуть, что оценка является необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение значимости события или ситуации, происходит через оценивание. Следовательно, осуществляются активизации эмоции [4, с. 87].

Как показывают результаты исследования, спортивный дискурс характеризуется большим количеством языковых единиц лексико-семантического уровня, а также сложной системой стилистической организации языковых единиц. Так, например, в спортивном репортаже можно обнаружить свойства, специфичные для спонтанной устной неофициальной разговорной речи. Для данных текстов также характерен «спортивный жаргон» (лексика и фразеология метафоричного плана), а также ненормативная лексика и фразеологизмы.

Одним из основных средств выражения категории эмотивности является эмотивная лексика. Согласно классификации, предложенной Л. Г. Бабенко, эмотивная лексика делится на эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы [2].

Эмотивы-номинативы – слова с исходными эмотивными смыслами. Это лексика эмоций, которая включает в себя слова, в структуру предметно-логического значения которых входит эмоциональный компонент. Лексика эмоций не является эмотивной, она логико-предметная. Эмоция в данном случае обозначает не чувство, а представление о чувстве. Эмоциональное отношение к предмету речи выражается семантикой эмотива-номинатива. Эмотивная сема в структуре лексического значения является яркой, коммуникативно значимой, что фиксируется в словарях. Эмотивы-номинативы представлены в спортивном дискурсе именем прилагательным (пр. *bad, awful, favourite, horrific, lovely, interesting, happy, ironic, hilarious, unhappy, boring, poor, monotonous, pitiful, embarrassing*), именем существительным (пр. *legend, hope, sympathy, pity, surprise, interest, love, trust, envy, star, icon, giant, fool, disrepute*), наречием (пр. *dramatically, definitely, frankly,*

hopefully, sadly, excellently, undoubtedly, unfortunately, desperately) и глаголом (пр. *be ashamed of, be interested, hate, be excited, get bored, weep, be surprised, be frustrated, cry*) [2, с. 14-19].

В этой связи рассмотрим следующий пример: *Nothing stirs them up more than a trip from Salford to **enemy** territory in Liverpool; That is a **bad** tackle; It was **awful. Horrific, horrific** tackle from Rojo; **Irony** jeers from the Manchester United fans* [7]. Представленный текст является отрывком из спортивного репортажа от 4 декабря 2016 года между футбольными клубами Английской футбольной премьер-лиги Манчестер Юнайтед и Эвертон. Матч проходил на стадионе Уэмбли и привлек внимание большого числа фанатов и репортеров. Анализируя речь комментатора, можно встретить употребление большого числа эмотивов-номинативов, посредством которых репортер описывает действия, происходящие на поле (*enemy, bad, horrific*) и трибунах (*ironic*), а также личное отношение к происходящему (*awful*).

Следующей категорией лексики, используемой для выражения оценки, является группа эмотивов-ассоциативов.

Эмотивы-ассоциативы – слова с включенными смыслами. Это эмотивная лексика, предметно-логическое значение которой не указывает на эмоции и чувства, а сема эмотивности скрыта. Как правило, эмотивный оттенок значения можно определить при помощи компонентного анализа или при сравнении слова с его синонимами. Эмоциональный оттенок высказывания достигается при помощи реакций, ассоциацией отрицательного или положительного характера в процессе коммуникации в определенном контексте. М. Я. Блох и Н. А. Резникова относят к эмотивам-ассоциативам имя существительное [3, с. 15].

Проанализируем следующий пример: *The Toffees break through Yannick Bolasie but he runs down dead-end street* [7]. Во время трансляции футбольного матча между английскими клубами Манчестер Юнайтед и Эвертон, репортер использовал эмотив-ассоциатив (*The Toffees*) при описании игроков клуба Эвертон. Фанатам и многим любителям футбола известно, что клуб Эвертон был создан недалеко от кондитерской фабрики «Эншиент», которая производила одноименные конфеты. Позднее, для привлечения болельщиков на матчи клуба, было принято решение о том, чтобы бесплатно раздавать эти конфеты в течение матча. Таким образом, за клубом закрепилось прозвище «Ириски» или в переводе на английский язык «The Toffees». В англоязычных текстах также можно встретить такие эмотивы-ассоциативы, как *clowns* и *giants*.

Помимо рассмотренных категорий эмотивов-номинативов и эмотивов-ассоциативов, в спортивных репортажах можно встретить следующую категорию лексики – эмотивы-экспрессивы.

Эмотивы-экспрессивы – слова с сопутствующими смыслами. Это эмотивная лексика, особенностью которой является двунаправленность процесса номинации: вовнутрь (самовыражение говорящего) и в окружающий мир (его эмоциональная оценка). Они выражают эмоциональное отношение говорящего к объекту высказывания [2, с. 14-19].

Анализ репортажа футбольного матча между футбольными клубами Эвертон и Манчестер Юнайтед показал наличие в речи комментатора следующих эмотивов-экспрессивов: *Manchester United have settled down after that **feisty** Everton opening; He **scythes** down Zlatan Ibrahimovic with a filthy ankle-high challenge; That is not **lenient** refereeing, that is an absolute injustice; Both teams a bit **ponderous** on the ball for my liking* [7].

Посредством глагола *scythe* автору удается передать отношение к отдельно взятому игроку (Zlatan Ibrahimovich), а при помощи таких имен прилагательных как *feisty* и *ponderous* репортер описывает свое отношение к игрокам команд в целом. Более того, репортер не оставляет без внимания действия арбитра на поле. При помощи прилагательного *lenient* комментатору удалось передать оценку действий рефери во время игрового момента.

Междометия также являются средствами выражения эмотивности. Они являются неотъемлемой составляющей эмоционально окрашенной разговорной речи, делая ее более экспрессивной и живой. Тематически междометия можно разделить на следующие группы: междометия, которые выражают эмоции – печаль, радость, восторг, боль и другие эмоции: *hahaha, wow, yeee haaa, ohh lala, aahahah*; междометия, которые представляют различные вскрики, выкрики, побуждения: *oh yeah, oh yes*; междометия, выполняющие функцию звукоподражания и заполнения пауз: *hmmm*.

Чаще всего междометия выполняют эмотивно-экспрессивную функцию, тем самым помогают репортерам изменить коммуникативный тип комментатора. Так, в репортаже матча футбольных клубов Манчестер Юнайтед и Эвертон комментатор прибегает к использованию междометий, тем самым трансформируясь из репортера в рядового болельщика: ***Ouch!** Seamus Coleman gets into a wrestling match with Zlatan Ibrahimovic near the Everton byeline, winning the battle to run the ball clear* [8].

Таким образом следует отметить, что эмотивный фон высказывания в английском спортивном дискурсе создается при помощи употребления эмотивной лексики (эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы) и междометий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Прогресс, 1988. – 344 с.
2. Бабенко Л. Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: автореф. дис. ...

докт. филол. наук. – Свердловск, 1990. – 31 с.

3. Блох М. Я., Резникова Н. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестн. Томского гос. педагог. ун-та. – 2006. – № 9. – С. 14–19.
4. Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 1. – С. 84–91.
5. Цыбина Л. В. Синтаксические и лексические средства выражения эмоции «гнев» в ситуациях гендерной асимметрии // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 2005. – С. 222–228.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
7. Everton 1-1 Man Utd: Hosts grab late draw [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/sport/live/football/37678053>.
8. Manchester United vs Everton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cC18Y--L-7w>.

FECUŠOVÁ YU.
CULTURAL APPROACH TO SPECIAL
LANGUAGE TERMINOLOGY BASED ON EQUIVALENCE

Abstract. The paper offers the results of the research conducted on specialized terminology of taxation based on quantitative approach to equivalence. The Slovak taxation terminology has been carefully compared with the British terminology, with the terminology used by the HMRC and further with the terminology contained in the British National Corpus. The equivalents are divided into absolute, relative and zero. The examples of zero equivalence are further analysed through qualitative method based on pragmatic equivalence.

Keywords: culture, language, special language, terminology, HMRC, equivalence.

ФЕКУШОВА Ю.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования специальной терминологии налогообложения на основе количественного подхода к эквивалентности. Словацкая терминология налогообложения сравнивается с соответствующей британской терминологией, терминологией Управления по налогам и таможенным сборам Великобритании, а также терминологией налогообложения, включенной в Британский национальный корпус. Эквиваленты разделяются на абсолютные, относительные и нулевые. Примеры нулевых эквивалентов подвергаются качественному анализу на основе прагматического подхода к эквивалентности.

Ключевые слова: культура, язык, специальный язык, терминология, Управление по налогам и таможенным сборам Великобритании, эквивалентность.

1. Introduction

We are living in the overflow of the information; we communicate across borders and function as if we were one large community. However, there are some differences that distinguish us; such as our unique cultures and languages. From time immemorial, language and culture have been inseparably bound and, therefore, they have never existed independently.

The aim of the present study is to provide a deeper analysis and receive more detailed information of terminological differences. The present case study is quantitative in its nature, the analysed terms represent absolute, relative and zero equivalence in the terminology of income tax and reflect two different institutional systems.

2. Humankind and language

Languages and thoughts expressed by languages are formed mainly in accordance with denotative requirements of surrounding culture [10]. Language and thought reflect and rise from cultural needs. Therefore, incurred vocabulary in a certain group of people should be regarded as a cultural product. In this sense, terminology representing a specialized segment of lexis is also a cultural product. Furthermore, owing to fast development of modern societies language and terminology of social sciences are dynamic, changing, emergent and never-ending. The basis of the cultural approach to language is based on the claim that language and its users are both parts of the existing cultural world.

3. Terminological aspects

3.1 Origins of standardized terminology

The first international association of standardization of terminology was founded in the 20th century and resulted from the scientists' need to have a set of rules for formulating terms for their respective disciplines, the naming of new concepts and agreement on the used terms. Therefore, since then scientists and technologists have become the leaders and the direct users of terminology.

The second third of the 20th century was marked by cultural changes of a post-industrial civilization. The society influenced by the mass production and consumption became technologized and information became a commodity. Nowadays, terminology of different fields has undergone several changes, such as the appearance of new concepts, constant updating of vocabularies, scientific, technical, cultural and commercial exchange dealing with the multilingualism, a new need for information storage and retrieval, the dissemination of terminology, distinguishing the generalized and specialized lexicons and finally standardization processes of language subjects' terminology [8, p. 4].

3.2 Special language

Among many theoretical forms concerning terminology, the general theory of terminology developed through practical experience involves the nature of concepts, naming concepts (an onomasiological process), relationships between terms and concepts that are regarded as a prime method in terminology [8].

The cognitive side of terminology consists of manner of thought and conceptualization. Terminology plays an important role in specialist communication because it differentiates special languages from the general language usage. While texts of LGP (language for general purposes) are

typified by such prevailing features as expression, variety and originality, texts of LSP (language for special purposes) meet the relevant criteria such as “concision, precision and suitability” [8, p. 47].

It is noteworthy that general languages and special languages can coexist within one natural language. Consequently “the difference between general and special languages is a difference of degree rather than kind: the degree to which fundamental characteristics of language are maximized or minimized in special languages” [8, p. 56].

Regardless of specialized or general communication, speakers’ needs are expressed by means of language subcodes. All languages have a set of units and rules that speakers are aware of and which form part of knowledge that constitutes general language the so-called **unmarked language**.

Contrariwise, special languages used in specialized subject fields are named as **marked language**. They consist of a set of subcodes that “partially overlap with the subcodes of the general language” [8, p. 59]. Both marked and unmarked languages represent interrelated and intertwined sets, which all share the general language, nonetheless each subset apart can form a special language.

3. 3 Classification of special languages

Special languages are classified by subject field comprising groups of subjects, subjects and sub-subjects with the style and degree of abstraction contents. As the diversity of subject fields is evident, the dispute over the idea of special language as one large unity is uncertain. Based on studying several special subject languages, Cabré (1999) found that they share sufficient features and abundant characteristics, which enable them to function as a singular discourse. However, other scholars have modified that statement and specified the special language (in singular) such that it consists of a variety of special subject field languages within which each of them possesses certain boundaries inside. Furthermore, it can be assumed that special subject field languages consist of variants of a common language code that is subdivided according to the degree of abstraction and function in communication. Despite these hypotheses, all special languages are perceived as a single type and are characterized as languages having a single purpose in a specific setting and communication and do not interfere with general languages. What is more, they have limited numbers of users, who voluntarily acquire knowledge of a special language [17].

Although special subject field languages have many traits in common, they do not correspond to the global structure to the same degree. As a result, there are always some fluctuations of LSP parts or the whole units without fixed boundaries between highly marked special languages and common languages. Figure 1 in the section 7 illustrates this complex classification showing the constant crossing over to other types [18].

4. Equivalence

The relationship between culture and equivalence is particularly complex. On a general level, culture can be understood as an amalgam of customs, superstitions and ways of life of a community. It consists of several subcultures, which are subgroups of the main cultural group. There are geographic cultures and subcultures, which represent different groups and institutional differences. Bearing these facts in mind, there are different institutions in the Slovak and the British tax systems and thus the British tax system is not identical with the Slovak one; consequently, we face terminological differences causing substantial problems for translators.

4.1 Standard equivalence degrees

The cultural phenomenon, which provides standard equivalence degrees is ISO 5964 defining five groups of equivalence [16, pp. 66–70]. The first case is **exact equivalence**, meaning that the target language (TL) contains a term identical in its meaning and scope to the term in the source language (SL) and can function as a preferred term in the TL. The terms from different languages referring to the same concept should be treated as exact equivalents, they may be morphologically related, unrelated or may express the same concept from different viewpoints [12].

The second case is **inexact equivalence**; a term in the TL expresses the same general concepts as the SL term, however the meanings of these terms are not precisely identical [ibid].

The third equivalence degree is called **partial equivalence**. The term in the SL cannot be matched by an exactly equivalent term in the TL, but a near translation can be achieved by selecting a term with a slightly broader or narrower meaning [ibid].

The fourth case is **single-to-multiple term equivalence**; the term in the SL cannot be matched by an exactly equivalent term in the TL, but the concept to which the SL term refers can be expressed by a combination of two or more existing preferred terms in the TL [ibid].

The fifth type of equivalence is **non-equivalence**, the TL does not contain a term which corresponds in meaning, either partially or inexactly, to the SL term [ibid]. In other words, the term can be abstract and frequently a culture dependent concept, which is not common for the users of the TL.

4.2 Quantitative approach

Apart from qualitative approaches such as functional-based approach by Nida and Taber (1982) resulting in two types of equivalence (dynamic and formal), other approaches may be introduced, such as a form-based approach by Baker (1992) yielding four equivalence types (equivalence at word level, grammatical, textual and pragmatic equivalence) and meaning-based approach by Koller (1979) yielding five types (denotative, connotative, text-normative, pragmatic

and formal equivalence), and, finally, the quantitative approach by Kade (1968) yielding four categories of equivalence. The first type is one-to-one equivalence in that a single expression in the TL stands for a single expression in the SL. The second one is one-to-many equivalence, i.e. more than one TL expression for a single SL expression are used. Thirdly, one-to-part-of-one equivalence happens, i.e. an expression in the TL covers part of a concept designated by a single equivalence. Lastly, nil equivalence occurs when there is no TL expression for a SL expression.

4. 3 Research: Materials and methods

In the process of translation, relation between language, culture and equivalence are taken into consideration. Translating is a process of making decisions, when we have many options to choose from. However, the choice of an appropriate translation procedure may be challenging if the term in the SL expresses a concept which cannot be substituted by the exact term equivalent in another language. The English equivalents of the Slovak tax terms are adapted to Slovak culture and conventions.

In the present case study, the English translation equivalents of the Slovak terms are compared, namely with the terminology of Her Majesty's Revenue and Customs (HMRC). The terms that do not exist in the technical terminology of HMRC, are searched for in the British National Corpus. In the analysis, the quantitative approach is applied, the terms are divided into three subgroups namely **absolute equivalence – T**, representing the specialized terminology of the HMRC institution; **relative equivalence – NT** belonging to the British National Corpus and **zero equivalence – NE** without any correspondence with any English terms.

5 Findings

5. 1 Absolute equivalence

The terms falling into the group of absolute equivalence are the terms identical in the meaning in the TL and the SL. They represent the same usage and concept in the British tax system as in the Slovak one. The terms of special subject language field comprise 1,316 items divided into 2,790 units. Out of these, 1,907 (64.62%) represent absolute equivalence found in the HMRC terminology. The following are some examples of absolute equivalents in the two compared languages.

1. *Majetková hodnota – Assets/T*
2. *Konkurzné konanie – Bankruptcy proceedings/T*
3. *Kúpna cena – Redemption price/T*
4. *Nedoplatok dane – Tax arrears/T*

5. 2 Relative equivalence

The terms representing relative equivalence are the terms found in the British National Corpus without any occurrence in the HMRC terminology. They can be regarded as the terms divided into smaller units to be found in the British National Corpus. Without being divided, it is impossible to mark them as the terms falling into either group. For instance, the whole lexical item: *Vzájomné započítanie pohľadávok a záväzkov pri zlúčení alebo splynutí obchodných spoločností alebo družstiev* – *Mutual set-off of the debts receivable and liabilities in the reorganization or merger of companies or co-operatives*, may be found neither in the HMRC terminology nor in the terminology belonging to the British National Corpus, otherwise it would fit in zero equivalence category. Accordingly, the lexical item is divided into smaller units, which are easily matched to the three subgroups, the examples are shown below:

Mutual set-off/NE – represents zero equivalence;
the debts/NT, receivable/NT, liabilities/NT – belong to relative equivalence;
reorganization/T, merger/T, companies/T – represent absolute equivalence;
co-operatives/NE – represents zero equivalence.

Thus, every unit is searched for individually and as thoroughly as possible. There is a high probability that units may belong either to specialized language or general language. Nonetheless, the boundary distinguishing special language from general language of divided units seems to be highly vague. In that case, I considered the terms found in the British National Corpus as relative equivalents. Although they cannot be found in the HMRC terminology, their concepts are easily understood as they are a mix of general and specialized language. The number of relative equivalents is 651 (28.59%) units with the examples shown below.

1. *Hnuteľná vec* – *Movable property/assets/NT*
2. *Jednorazové príjmy* – *Non-recurring payments/NT*
3. *Konkurzná podstata* – *Bankruptcy estate/NT*
4. *Nezdanené sumy* – *Non-taxed amount/NT*

5. 3 Zero equivalence

These terms do not have any equivalents in English lexis. They name the concepts used in the Slovak special taxation and accountancy terminology. They can be found in the names of the Slovak institutions and organizations, which do not exist and do not function in the British system and, therefore it is impossible to find their corresponding equivalents. Out of 2,790 units, 232 (6.79%) are related to non-equivalence, the examples are shown below.

1. *Základné imanie* – *Registered capital/NE*

Meaning: owner's money invested in a company.

2. *Zamestnanecká prémie – Employment premium/NE*

Meaning: a tax bonus provided for employees with low income.

3. *Závislá činnosť – Dependent activity/NE*

Meaning: employment.

4. *Finančné riaditeľstvo – Financial directorate / Slovak Tax Headquarters/NE*

Meaning: a department of a government in charge of an area of taxes, fees and customs duties. In the UK, the equivalent of this institution is HMRC.

6. Conclusion

The terminology of a special subject field seems to be undoubtedly one of the most problematic and controversial topics in translating. The usage of specialized language is limited by its users – either originators as producers of special language, or recipients as receivers of special knowledge. Furthermore, specialized language is defined by the degree of expertise of a special field. It is generally expected that the more professional language is, the fewer professional users it has. The boundary distinguishing general language and professional one is unclear, as the terms are on constant move and new ones emerge. Once the term has become familiar with its users in general, it loses its position of marked vocabulary and it gets into the category of unmarked lexical units.

In the present analysis, I found out that the terms belonging to absolute equivalence represent the largest group, more than 60% of all terms in question. The second largest terminological bank consists of nearly 30% of relative equivalence terms. Lastly, zero equivalence represents nearly 7% of the terminology considered. Consequently, I have used the zero equivalents for making an online questionnaire of legal terminology to find out the differences between Slovak and British terminology of taxation, which is a part of the qualitative research related to pragmatic equivalence.

REFERENCES

1. Bilá M., Kačmárová A., Kášová M., Tomášiková S., Vojtek D., Koželová A. Výskum viacslovných pomenovaní v germánskych jazykoch (angličtina, nemčina) a v románskych jazykoch (francúzština, španielčina) // Viacslovné pomenovania v slovenčine. – Prešov: FF PU, 2015. – pp. 57–127.
2. Bilá M., Kačmárová A. Multi-word lexical units in English and Slovak linguistics terminology // Russian journal of linguistics. – 2016. – Vol. 20, No. 3. – pp. 164–175.
3. Bilá M. K symetriám a asymetriám niektorých anglických a slovenských ekonomických termínov // Cudzie jazyky v premenách času VI. – Bratislava: Ekonóm, 2016. – pp. 13–19.

4. Kačmárová A., Bilá M., Bednárová-Gibová K., Vaňková I., Michálková M. On the degree of equivalence of latinate terms in English and Slovak linguistics // *Procedia - social and behavioral sciences*. – 2016. – Vol. 231. – pp. 61–68.
5. Bilá M., Kačmárová A., Vaňková, I. What is behind the compiling of a dictionary for a bilingual user? // *Kieltyka R., Uberman, A. Evolving Nature of the English Language. Studies in Theoretical and Applied Linguistics*. – Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2017. – pp. 201–209.
6. Bilá M., Kačmárová A., Körtevényessy L. *Angličtina - jazyk medzinárodnej komunikácie*. – Prešov: PU, FHPV, 2008. – 97 p.
7. Baker M. *In Other Words: a Coursebook on Translation*. – London: Routledge, 1992.
8. Cabré M. T. *Terminology. Theory, Methods and Applications*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1999.
9. Chomski N. *Regeln und Repräsentationen*. – Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1981.
10. Dolník J. *Jazyk, človek, kultúra*. – Bratislava: Kalligram, 2010.
11. Harris M. *Menschen: Wie wir wurden, wie wir sind*. – Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 1991.
12. ISO 5964. *Guidelines for the Establishment and Development of Multilingual Thesauri*. – URL: <https://www.iso.org/standard/12159>.
13. Kade O. *Chance and regularity in translation*. – Leipzig: Enzyklopädie, 1968.
14. Koller W. *Contrastive Linguistics and Translation Studies: Similarities and Distinctions*. – Heidelberg: Quelle and Meyer, 1979.
15. Nida E. A., Taber Ch. R. *The Theory and Practice of Translation*. – Leiden: E. J. Brill, 1982.
16. Nykyri S. *Equivalence and Translation Strategies in Multilingual Thesaurus Construction*. – Åbo: Åbo Akademi University Press, 2010.
17. Picht H., Draskau, J. *Terminology: An Introduction*. – Guilford: The University of Surrey, 1985.
18. Rondeau G. *Introduction à la terminologie*. – Chicoutimi: Gaëtan Morin éditeur. 7. *Lexic Panlati*, 1983.

НАЧАРКИНА О. К. СОЛОВЬЁВА Е. А.
КОНЦЕПТ «ДОПИНГ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)

Аннотация. В статье представлен анализ концепта «допинг», представленного в ряде англоязычных СМИ. Выявлены особенности лексической реализации и коннотативной оценки данного явления в ключевых американских и британских газетах.

Ключевые слова: допинг, концептуальный анализ, контент-анализ, английский язык.

NACHARKINA O. K. SOLOVYOVA E. A.
THE CONCEPT OF DOPING IN ENGLISH
SPORTS DISCOURSE: A STUDY OF E-MEDIA

Abstract. The article provides an analysis of the concept of doping presented in English mass media. The peculiarities of lexical realization and connotative meanings of this lexeme in major British and US newspapers are studied.

Keywords: doping, conceptual analysis, content analysis, English.

Актуальность концептуального анализа определяется как культурной значимостью тех или иных концептов, так и важностью выяснения смысла того или иного концепта. Концептуальное пространство в известных нам научных источниках исследуется в основном на материале художественной литературы. На материале СМИ они исследовано мало. Понятие «допинг» часто является центром тех или иных дискуссий, не только связанных со спортом, но иногда и выходящих за его пределы и касающихся политических, национальных и других вопросов. Это делает актуальным изучение допинга как концепта англоязычных СМИ.

Для описания концепта «допинг» нами употребляются следующие исследовательские процедуры:

1. дефинирование по доступным словарям английского языка (с выявлением набора лексико-семантических вариантов);
2. этимологический анализ;
3. контекстуальный анализ по материалам английских СМИ.

В ходе концептуального анализа принималось во внимание наличие в публицистических текстах помимо эксплицитной также и имплицитной информации (на основе субъективной экспрессивности и эмоциональности). Цель анализа заключается в выяснении того, какие именно аспекты семантики лексемы репрезентируются в конкретных текстах СМИ. Выясняются также возможные ассоциации, связанные с изучаемой лексемой.

В итоге формулируется представление о том, какие элементы значения лексемы относятся к ее глубинному уровню и к внешнему уровню [7].

В качестве источников текстуального материала выступают сайты следующих англоязычных газет.

1, The Guardian (<https://www.theguardian.com/international>) – одна из наиболее известных британских газет.

2. The Washington Post (<https://www.washingtonpost.com>) – старейшее американское издание.

3. The Times (<https://www.thetimes.co.uk>) – одно из самых известных британских изданий.

В связи с небольшим объемом работы нами анализируются по пять вхождений слова в каждом СМИ, то есть всего 15 контекстов.

Кембриджский толковый словарь английского языка выделяет одно значение слова doping: «the act of giving a person or animal drugs in order to make them perform better or worse in a competition» [1]. Словарь Вебстера упоминает, что с 1900 года слово известно в значении «the use of a substance (as an anabolic steroid or erythropoietin) or technique (as blood ~) to illegally improve athletic performance» [2].

Таким образом, можно выделить два значения лексемы «допинг» 1) использование какого-то вещества для улучшения атлетических показателей; 2) использование какой-либо техники в тех же целях. Словарь Вебстера полагает, что допингом является только незаконное использование такой субстанции, а Кембриджский словарь – что любое использование.

Этимологически слово «doping» является причастием от глагола «to dore», которое восходит к голландскому *doop* – «соус», к концу XIX века получает значение «наркотик», так как опиум курили в виде полужидкой субстанции, напоминающей соус [3]. Постепенно глагол стал означать «принять наркотики», в начале XX века развивается современное значение. Рассмотрим цитаты из англоязычных изданий, являющиеся примерами современного употребления лексемы «doping».

The Guardian

В статье «Russia Doping Scandal» встречаем следующий контекст: Richard McLaren, who exposed the full extent of state-sponsored doping in Russia said it will be hard for the country to be rehabilitated in time for next year's [4]. Таким образом, здесь добавляется негативная оценка явления, актуализируется аспект значения «нелегальный», «запрещенный». Высказывается сомнение в способности России оправдаться от обвинений в допинге в

течение ближайших нескольких лет, то есть контекст задает семантику «серьезное преступление».

В материале «Russia Accused of 'State-sponsored doping'» имеется следующее вхождение слова: Russia operated a huge state sponsored doping programme that sabotaged the London 2012 Olympics and should be banned from athletics [4], то есть поддерживается семантика серьезного нарушения, наличие которого существенно подрывает репутацию страны. Употребление допинга, по мнению автора, срывает Олимпийские игры.

В материале «McLaren report: more than 1,000 Russian athletes involved in» упоминание носит следующий характер: «Prof Richard McLaren delivered part two of his report into doping in sport, revealing staggering lengths Russian officials went to manipulate» [4]. Здесь также рассматривается допинг в спорте, акцент делается на морально негативный характер акта употребления допинга.

В материале «Manchester City's Doping Test Charges Explained» контекст употребления слова в заголовке выглядит следующим образом: The Premier League club are accused of failing to give testing officials accurate information about player whereabouts and are likely to attribute [4]. Таким образом, наличие допинга связано со словами «обвинение», «проверка», то есть контекст актуализирует значение «преступление».

В тексте «Russian State Doped more than 1,000 athletes» фигурирует следующий контекст: Prof Richard McLaren's second report into doping has revealed Russian state-sponsored doping across 30 sports and the corruption... [4]. Здесь также допинг поставлен в контекст слова «corruption», обозначающего склонение к морально негативным действиям.

Таким образом, в данных отрывках:

1. Значение лексемы «doping» реализуется как использование любого рода нелегальных мер для улучшения показателей в спорте;
2. Коннотации строго негативны и делают акцент на нелегальность и категорическую моральную недопустимость этого акта;
3. В четырех случаях из пяти с допингом связано прилагательное «Russian».

The Washington Post

В материале «Russia's Chernova Stripped of 2008 Olympic Bronze for Doping» контекст выглядит как «stripped of her 2008 Beijing Olympics bronze medal for doping with an anabolic steroid» [6], то есть четко упомянуто, что допинг осуществляется именно веществами. Материал «Russian marathon runner Mayorova banned for doping» содержит фразу «Albina Mayorova has been banned for four years for doping» [6], то есть допинг является нарушением, повлекшим за собой запрет на участие спортсменки в соревнованиях.

Материал «Russian doping whistleblower gets 4-year ban» упоминает допинг следующим образом: A Russian sprinter who gave evidence of alleged doping involving a leading coach has been banned for four years [6], то есть значение и коннотация те же, что и в предыдущем случае. Материал «5 Russians banned for doping at Olympics» также увязывает допинг с запретом на участие в соревнованиях: Five Russian athletes have been given two-year doping bans for offenses at the 2012 Olympics and 2013 [6]. Также присутствует слово «offense», акцентирующее семантику морально негативного акта. Текст «Qatar laboratory cleared to resume anti-doping tests» содержит следующее вхождение: Qatar's anti-doping laboratory has been cleared to resume working after a five-month suspension [6]. Здесь допинг представлен как нечто, с чем осуществляется борьба (приставка anti-).

Таким образом, наблюдается аналогичная с предыдущим изданием картина, и даже соотношение допинга с Россией остается в той же пропорции (4 из 5).

The Times

Упоминания слова «doping» в данном издании выглядят следующим образом:

The Russian sports minister has for the first time attempted to apologise for the doping scandal that threatens to stop his country participating in this summer's Rio Olympics [5]. Здесь мы наблюдаем прямое соотнесение слова «doping» со словом «scandal»; коннотация вопиющего морального нарушения;

Doping – now it's endemic in amateur sport. The scourge of illegal drug use extends beyond professional competitors [5]. Данный текст сам объясняет, в каком смысле употребляется лексема «doping», то есть «illegal drug use»;

UK Anti-Doping figures show that of the 42 athletes banned in the past two years, 14 of them have been from rugby union in England or Wales; Alberto Salazar with Sir Mo Farah. US anti-doping officers say the coach put his athletes' long-term health at risk; Off the field City have been heavily criticised by the FA whose officials have indicated that they wrote to the club twice before a third and final breach of the anti-doping [5]. Во всех случаях слово употребляется с приставкой anti-, которая сигнализирует о необходимости борьбы с этим явлением.

Таким образом, лексема «doping» в англоязычных СМИ представлена прежде всего в значении «нелегальное использование веществ для улучшения спортивных показателей», коннотации строго негативные, эмоциональная оценка этого явления строго отрицательная. Использование допинга, на взгляд англоязычных СМИ, подрывает репутацию того, кто его использует, в связи с чем это обвинение часто ими выдвигается против Российской Федерации, видимо, в целях ее дискредитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>.
2. Merriam-Webster Collegiate Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com>.
3. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=dope.
4. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international>.
5. The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk>.
6. The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com>.
7. Беляевская Е. Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник МГЛУ. – 2008. – № 554. – С. 140–147.

АРЕСТОВА Е. В.
ПРОБЛЕМЫ НЕСЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению несемиотических квантов письменного дискурса, представляющих собой затекстовый уровень речи. Дано описание особых внеречевых концептов, актуализующих стереотипные фрагменты картины мира и индивидуальную систему ценностей в границах англоязычного письменного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, несемиотический анализ, кванты текста, несемиотические концепты.

ARESTOVA E. V.
NON-SEMIOTIC STRATIFICATION
OF WRITTEN ENGLISH DISCOURSE: CURRENT ISSUES

Abstract. The article presents a study of non-semiotic units of written discourse. These units represent implicit textual speech level. The study provides a description of non-semiotic concepts which represent both stereotypical world concept and individual system of values within the English written discourse.

Keywords: discourse, non-semiotic analysis, text unit, non-semiotic concepts.

Традиционно, при лингвистическом или филологическом анализе текст рассматривается с двух условно противоположных исследовательских позиций: структурной и коммуникативно-когнитивной. При этом под структурным подходом понимается исследование целостной системы текста во взаимодействии всех его элементов, а под коммуникативно-когнитивной парадигмой рассматривается реализация так называемых фреймовых моделей, составляющих «сценарий» высказывания [1].

При структурном анализе текста мы, как правило, сталкиваемся с двумя типами единиц – семиотическими и несемиотическими. Согласно модели Ю. М. Лотмана, в основе структурного анализа лежит взгляд на литературное произведение как на органическое целое. Текст в этом анализе воспринимается не как механическая сумма составляющих его элементов: каждый из них реализуется лишь в отношении к другим элементам и к структурному целому всего текста [2].

Следует отметить, что до настоящего времени большое внимание уделялось семиотическим структурным единицам, тогда как несемиотические элементы, воспринимаясь довольно субъективно, затрагивались мало или же сводились к разбору стилистических приемов, что можно проследить на примере «Лекций по зарубежной литературе» В. В. Набокова или рецензий О. Мандельштама. Несемиотические явления,

однако, безусловно, входят в состав текста, и составляют особую, так называемую, несемантическую страту. Она состоит из ряда компонентов, включающих системы ценностей, индивидуальные картины мира, языковые картины мира авторов и прочие, неисчисляемых при структурном анализе имплицитных смыслов текста. Другими словами, несемантическая страта представляет собой затекстовый или внетекстовый уровень речи, который сам по себе не относится ни к автору, ни к читателю, а проявляется по большей части во взаимоотношении системных и структурных составляющих (например, персонажей или различных смысловых блоков) исследуемого текста и в прямом или косвенном влиянии этих взаимоотношений на реципиента [3, с. 159-162].

На сегодняшний день понятие несемантического анализа письменного художественного текста является отнюдь не новым. Подобные аналитические действия в отношении текстов имеют место в рецензиях, эссе, лекциях по литературе различных писателей и критиков. Большое внимание, в частности, уделяется значению автора, как ключевой коммуникативной сущности произведения. В работе М. Фуко «Что такое автор», предметом рассмотрения выступает позиция автора, субъекта в дискурсе. По мнению Фуко, можно быть автором чего-то большего, нежели книга, — автором теории, традиции, дисциплины, внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие книги и другие авторы. В то время, как по мнению того же Фуко, позиция читателя может быть описана в терминах сопротивления: «Читатель не прибавляет себя к книге, но, прежде всего, стремится избавиться ее от всякого автора...» [4].

Как отмечал В. В. Набоков в своих «Лекциях по зарубежной литературе»: «Гюстав Флобер ярко выразил свой идеал писателя, заметив, что подобно Всевышнему, писатель в своей книге должен быть нигде и повсюду, невидим и вездесущ» [5, с. 168]. Таким образом, уже в начале девятнадцатого века зарождалось понятие такого несемантического кванта текста как индивидуальная/авторская картина мира.

По мнению Набокова, взгляды и идеи автора в тексте выражаются не иначе как через его «представителей» — главных, второстепенных героев произведения, и, несомненно, самого автора-создателя. Структурно в произведении В. В. Набоков выделяет три типа таких представителей автора: а) рассказчик, б) представитель автора или фильтрующий посредник и в) авторский приспешник третьего порядка, именуемый Набоковым «Перри» [5]. Здесь будет уместно пояснение того, что подразумевают под собой данные понятия. В роли рассказчика выступает сам автор, если повествование ведется от первого лица, либо выдвинутый автором герой, от лица которого ведется рассказ.

Второй тип представителей автора в произведении — так называемые фильтрующие посредники, которые не являются рассказчиками от первого лица, а о которых говорится в

третьем лице. Все происходящее в книге, «прочувствованно главным героем, посредником, который процеживает повествование через собственные эмоции и представления» [5, с. 169].

Термин для определения третьего типа посредника (Перри) был изобретен самим В. В. Набоковым. По его словам, «он обозначает авторского приспешника низшего разряда – героя или героев, которые на протяжении книги ... находятся ... при исполнении служебных обязанностей» [5, с. 169]. Они «посещают места, которые автор хочет показать читателю, встречается с теми, с кем автор хочет познакомить читателя» [5, с. 169]. Таким образом, все герои произведения, так или иначе, исполняют волю автора, заключающуюся в передаче закладываемого им смысла. В. Набоков в той же работе, продолжая отстаивать превосходство незнаковых составляющих произведения, отмечает: «В этом изумительно абсурдном мире души математическим символам нет раздолья. При всей гладкости хода, ..., с какой они передразнивают завихрения наших снов и кванты наших соображений, им никогда по-настоящему не выразить то, что их природе чуждо ...» [5, с. 525].

Присутствия посредников автора в произведении недостаточно. Автору предстоит еще вложить свои идеи и размышления в этих героев, укладываясь при этом как в рамки коммуникативных и жанровых правил структуры текста, так и в ограничения знаковой системы языка, с помощью которой он «материализует» свои мысли и чувства. Подтверждение этому прослеживается и в вышеприведенной цитате. Несмотря на то, что отношение к символам как к посредникам смысла автора у Набокова скептическое, он не отрицает того, что они до настоящего времени являются единственным действенным и общепринятым в обществе способом передачи информации («нет раздолья», а не, например, «нет места»).

Безусловно, то, что будет заложено в сообщении любого жанра или речевого регистра, косвенно или напрямую реализует его продуцента. В статье 1922 года о Блоке Мандельштам, прокламируя расширение «области безусловного и общеобязательного знания о поэте», выдвигал две методологические задачи, стоящие перед исследователем: 1) что хотел сказать поэт и 2) откуда он пришел [6, с. 7].

Собственно, в этом и реализуется системное противоречие «автор vs читатель» и, как верно отмечал Р. Барт, «объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз "исповедуется" голос одного и того же человека – автора» [7, с. 1]. Ведь именно автор создает условия, при которых читатель или слушатель начинает переживать или сопереживать героям, выражая их (эти условия) через систему узнаваемых несемиотических маркеров, сопоставимых с ситуациями окружающего мира.

И. А. Стернин в своей статье «Анализ скрытых смыслов в тексте» отмечает, что «для законченного текста или большого монолога сначала выбирается тема, затем формируется стратегия сообщения (определяются факты, которые будут приведены, их последовательность, степень подробности изложения, модальность речи), определяется план изложения (подразделение сообщения на отрывки, отделяющиеся интонацией и паузами)» [8, с. 3]. Логично предположить, что выбор темы, формирование стратегии сообщения и, соответственно, определение плана изложения, выбираемая автором, исходит из его индивидуальной картины мира и системы ценностей («что хотел сказать» – каковы создаваемые условия для сопереживания, «откуда пришел» – система ценностей, принятая в обществе, откуда и получил социальные установки своего произведения автор) [8].

Зачастую в художественном произведении смысловые компоненты, отражающие концептуальную картину автора и апеллирующие к оценочной позиции читателя, реализуются через стереотипные и в этом смысле социально-конвенциональные ситуации. Именно это позволяет апеллировать к общепринятому или широко распространенному несемиотическому статусу элементов отражаемых в тексте через уникальные позиции автора, а именно через элементы его картины мира, вербализованной в дискурсе.

В данной статье особое внимание будет уделено этим несемиотическим факторам: концептуальная (индивидуальная/авторская) картина мира и *индивидуальная система ценностей* [9]. Данные понятия охватывают довольно широкий спектр реалий. И для лучшего понимания нам стоит остановиться на них подробнее и рассмотреть способы их вербализации в художественном дискурсе или формы их влияния на содержание произведения.

Фрагменты, представляющие исследовательский интерес, предположительно будут содержать компоненты, которые можно рассматривать как стереотипы или стереотипные описания ситуаций и их прямые авторские оценки, или прогнозируемы оценки читателей. В качестве текстов с наиболее очевидными связями такого рода интерес представляют произведения Б. Брайсона (Bill Bryson), – писателя с уникальным межкультурным опытом, обеспечившего ему возможность провести эффективное журналистское сравнение двух англоязычных культур: британской и североамериканской. Сравнение проводится в ироничном ключе и построено на сравнении стереотипных ситуаций, реализованных через его собственную систему оценочных координат, выработанную на основании опыта многолетнего проживания как в Великобритании (Британские стереотипы), так и в США (американские стереотипы) [10]. Следует отметить при этом, что рисуемая им сравнительная картина необязательно содержит конвенциональные стереотипы (привычные в указанном межкультурном пространстве), однако всегда опирается на них [10, с. 3].

(1) *If you informed an American* that a massive asteroid was hurtling toward Earth at 125,000 miles an hour and that **in twelve weeks the planet would be blown to smithereens**, *he would say*: "Really? In that case, I suppose **I'd better sign up** for that Mediterranean cooking course now." *If you informed a Briton of the same thing*, *he would say*: "**Bloody typical**", isn't it? And have you seen the weather forecast for the weekend [11]?

Даже при поверхностном взгляде понятен общий замысел – противопоставление. В приведенном примере очевидно выражено сравнение двух разных систем ценностей (отношений к событиям разного иерархического порядка): a massive asteroid vs Mediterranean cooking course /the weather forecast. При этом реализуется схожая черта: фатализм обеих культур, выраженный в переключении внимания с неисправимого будущего (**in twelve weeks the planet would be blown to smithereens**) на актуальное настоящее (now/ for the weekend): Really? In that case, I suppose... / ...typical, isn't it? And have you seen. Единственным модально противопоставляемым фактором в приведенном отрывке можно считать эмоциональный вектор: коннотационно положительный у «позитивного американца» и коннотационно отрицательный у «умудренного опытом веков британца»: **I'd better sign up / Bloody typical**. При этом семиотическим поводом для противопоставления станет идентичная вводная конструкция: *If you informed an American /a Briton of the same thing, he would say....* Различие, таким образом, становится тем очевиднее, чем больше автор описывает одно явление с точки зрения совершенно противоположных отношений к нему. Впрочем, автор зачастую реализует более саркастические фрагменты «британо-американского противостояния», составляющие одну из ипостасей его творческой картины мира.

В вышеприведенном фрагменте легко идентифицируется сарказм, проявляющийся в несоответствии значения высказывания с его вербальным выражением, а именно парадоксально тривиальная реакция (записаться на кулинарные курсы/ поинтересоваться о погоде на неделю) в ответ на уникально катастрофическое явление (гипотетическое падение астероида). Повествование ведется от лица автора, и, таким образом возникает ощущение отсутствия посредников между текстом и читателем.

(2) Big chain supermarkets **rewarding us for ecologically sound behaviour** is an excellent development. *Although* I notice these **rebates** — implemented centrally by computer on the basis of loyalty card data — are offered only to buyers of Sainsbury's re-usable bags rather than to all customers who bring their own packaging solutions to the checkout [12].

Данный отрывок взят из онлайн издания «The Times» из рубрики «Комментарий» в статье, принадлежащей Джайлсу Корену. Он, как и Билл Брайсон, является популярным колумнистом и рассуждает на злободневные темы в юмористическом ключе.

На примере данного отрывка также четко прослеживается противопоставление, в фокусе которого стоит уже более реальная глобальная проблема – загрязнение окружающей среды. На представленном примере можно видеть, что поощрение за заботу об окружающей среде не что иное, как коммерческий ход, эксплуатирующий навязанный стереотип. К тому же, автор использует как средство донесения своей позиции сарказм, который в первом отрывке проявляется в противопоставлении, выраженном как семиотическими (*Although, rather than*), так и несемиотическими (коннотативно положительный смысл первого предложения и отрицательный второго) элементами. Продолжая доказывать свою позицию, он приводит гипертрофированный пример с другой сетью магазинов.

(3) This will hit hard in my part of north London where all groceries are carried around — as if by local bylaw — in hessian carriers from Daunt Books, so that while shopping one broadcasts a four-pronged personal retail manifesto which declares: “Not only do I shop with re-usable bags, but I shop using only natural, biodegradable re-usable bags; and not only that, but I read a lot of books; and not only that, but I BUY THOSE BOOKS AT SMALL INDEPENDENT LOCAL BOOKSHOPS!!! So put my goddam thirty quid chicken in my re-usable hessian independent bookshop bag and kneel before my hand-woven, patchouli-scented liberal awesomeness, dog! [12]”

Первый (2) и второй (3) отрывки статьи показывают, что оба магазина (гипотетически это распространяется на все крупные сети) преследуют определенные коммерческие цели. Субъективизм, с которым отстаивается позиция автора, прямо указывает на наличие таких несемиотических единиц как индивидуальная картина мира и личная система ценностей. Второй отрывок представляет интерес как фактуальная база для доказательства распространенного, по мнению автора коммерческого порока, свойственного крупным компаниям, – поиска способов нажиться на своих клиентах за счет, опять же стереотипизированных представлений о современном человеке. Они выражены автором с использованием градации, усиленной в своей кульминации плеоназмом (*re-usable = natural, biodegradable re-usable; SMALL INDEPENDENT LOCAL*), ведущего к абсурду (*I BUY ... – So kneel before my awesomeness, dog!*), что придает высказыванию эффект комичности. Повествование ведется от первого лица. Это не дает возможности для появления посредников между автором и читателем, и, к тому же, выполняет еще одну важную эмотивную функцию – неосознанно вызывает чувство самоиронии, что является также одним из наиболее эффективных средств воздействия на читателя.

На основе вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Несемиотическая страта не относится ни к автору, ни к читателю, а проявляется по большей части во взаимоотношении системных и структурных составляющих (иллюстрация поведения героев в гипотетической или реальной ситуации).

2. Формирование стратегии сообщения, выбираемого автором, исходит из его индивидуальной картины мира и системы ценностей из чего далее следует, что обнаружение концептов или систем ценностей не может сводиться к узкому поиску субъективных замыслов автора текста. Напротив, такой анализ ставит перед собой задачу раскрытия объективных смыслов, которые, в свою очередь, являются общими или обобщенными.

3. Репрезентируя несемиотическую страту, соответствующие элементы вербализуются в тексте через семиотические приемы (тропы, фигуры речи) и явления (лексика) с ярко выраженной оценочной функцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник. – Ижевск, 1999. – № 1. – С. 5–10.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – 846 с.
3. Арестова Е. В. Принципы семиотической и несемиотической стратификации речи (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Огарев-online. Раздел «Филологические науки». – 2016. – № 6. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/principy-semioticheskoy-i-nesemioticheskoy-stratifikacii-rechi-na-materiale-anglijskogo-yazyka>.
4. Кабанова Л. И. Коммуникативная стратегия в изобразительном искусстве: философские подходы и методы исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunikativnaya-strategiya-v-izobrazitelnom-iskusstve-russkogo-avangarda-na-osnove-analiza-#ixzz4auhoAW9e>.
5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. – СПб., 2014. – 544 с.
6. Мандельштам О. Э. О поэзии // Слово и культура: Статьи. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 38–108.
7. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – 1994. – С. 384–391.
8. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж, 2011. – 66 с.
9. Свойкин К. Б. Дискретные характеристики речевого смысла [Электронный ресурс] // Вестник Мордовского университета. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22532267>.

10. Свойкин К. Б., Горлышкина А. В. Англоязычный юмористический дискурс stand-up show: концепт комического [Электронный ресурс] // Огарев-online. Раздел «Филологические науки». – 2016. – № 17. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/angloyazychnyj-yumoristicheskij-diskurs-stand-up-show-koncept-komicheskogo>.
11. Bryson B. Notes from a big country. – London, 1999. – 399 p.
12. Giles C. Every shopping basket is full of terrible secrets [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/past-six-days/2017-03-11/comment/every-shopping-basket-is-full-of-terrible-secrets-fjff5s99p>.

ПАРФЕНОВА Д. И.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье описываются основные этапы процесса перевода и то, какими категориями оперирует переводчик при сопоставлении единиц исходного языка и языка перевода. Осуществляется попытка проведения различия между такими понятиями, как стратегия перевода, способ перевода, переводческий прием или переводческая трансформация. Также представлены основные классификации переводческих трансформаций, описанные на данный момент в лингвистической литературе.

Ключевые слова: перевод, механизм перевода, стратегия перевода, переводческая трансформация, способ перевода.

PARFENOVA D. I.

THE MAIN STAGES AND THE MECHANISM OF TRANSLATION

Abstract. The article describes the main stages of translation and the categories used by the translator while matching units of the original language to the target one. The study attempts at distinguishing between such notions as strategy of translation, methods of translation and means of translation (or translation transformation). The author also considers the major classifications of translation transformations described in linguistic research works.

Keywords: translation, translation mechanism, strategy of translation, translation transformation, means of translation.

Несмотря на относительно молодой возраст теории перевода или переводоведения как науки, в настоящее время существует множество работ, посвященных теории перевода. Это не удивительно, так как у всех известных переводоведов есть свои точки зрения на видение процесса перевода и его основных принципов.

Ректор НОУ «Московская международная школа переводчиков» Л. А. Черняховская дает следующее определение перевода – это «преобразование структуры речевого произведения, в результате которой, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения, один язык заменяется другим» [2, с.167].

Л. С. Бархударов полагает, что «перевод является межъязыковым преобразованием или трансформацией текста на одном языке в текст на другом языке» [4, с. 38]. Другими словами, в процессе перевода переводчик видоизменяет текст, используя различные способы перевода. Необходимо также отметить определение И. С. Алексеевой, в чьем понимании перевод – «это деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении,

перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком» [1, с. 145].

Суммируя все вышеперечисленные определения, мы можем подвести итог, что перевод является сложным процессом, в ходе которого происходит преобразование письменного или устного текста с одного языка на другой язык. В такой современной науке как «транслятология» для описания процесса перевода часто используется термин «стратегия перевода». Однако данное понятие остается немного расплывчатым в сознании многих исследователей и понимается достаточно обширно, именно как концепция перевода в целом или концепция перевода конкретного текста. Согласно критическому анализу научной литературы, многие исследователи следуют различным соображениям при определении стратегии перевода.

Зарубежный исследователь в области перевода Х. П. Крингс впервые заговорил о понятии «стратегия перевода». Он вынес предложение считать стратегией перевода определенные планы переводчика, которые могли бы быть использованы для решения конкретных переводческих задач [6, с. 119].

В таких науках, как лингвистика и переводоведение, уже были попытки установить связь стратегии перевода с целью коммуникации. К. Е. Калинин делает вывод на основе разных определений понятия «стратегия перевода», что стратегия перевода является планом действий, в котором фигурирует конечная цель, а также определен и понятен перечень задач, последовательное решение которых должно привести к достижению этой поставленной цели» [2, с. 89].

Мы считаем возможным остановиться на следующем определении стратегии перевода: «общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [5, с. 135].

Таким образом, стратегия перевода является алгоритмом действий переводчика, который он осмысленно создает путем эксперимента. Когда алгоритм действий понятен, переводчик начинает производить процесс перевода с первого этапа – предпереводческого анализа текста. Целью данного анализа является выявление переводческой доминантной составляющей, а главной его задачей – выяснение того, какой именно текст находится перед переводчиком.

Переводоведение делит предпереводческий анализ на несколько основных этапов.

- Установление точного результата, который желает видеть заказчик. Другими словами, цель перевода и его предназначение.
- Характеристика заказчика, установление типа аудитории, для которой предназначен данный перевод.
- Определение качества перевода, выяснение необходимой степени эквивалентности адекватного перевода.
- Оценка характеристик переводимого текста. В первую очередь, необходимо прочитать текст с точки зрения его потребления и общей стилистической характеристики, затем изучить жанр и стиль исходного варианта.
- Сбор необходимой фоновой информации и проведение предварительного анализа категорий текста.

На втором этапе перевода специалистом ведется регулярный аналитический поиск более подходящего варианта перевода с использованием различных способов перевода, что и является ответом на вопрос о том, каким образом должен быть переведен текст. Под способом перевода подразумевается путь, который использует сознание человека для преобразования текста с одного языка на другой. Способы перевода бывают смысловыми и формально-знаковыми.

Рассмотрим основные способы перевода.

- Буквальный перевод, в который входят транслитерация, транскрипция, калькирование.
- Функциональный перевод характеризуется поиском эквивалентов в языке перевода, функциональных аналогов, а также описательным переводом.

Р. К. Миньяр-Белоручев считает, что способ перевода обычно решает частную задачу: он помогает преодолеть возникшую в целенаправленной деятельности переводчика трудность [1, с. 100]. Таким образом, способ перевода равен переводческой операции, которая направлена на разрешение какой-то проблемы и которая предполагает однотипность действий специалиста-переводчика. Различия в системах языков и правилах использования единиц языка постоянно создают некоторые проблемы в процессе перевода, ввиду чего переводчик вынужден использовать способы перевода, так называемые переводческие трансформации.

В первую очередь важно уточнить смысл, вкладываемый в понятие «переводческая трансформация». Существуют определения, предложенные такими исследователями в области перевода, как Л. С. Бархударов, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, В. Е. Щетинкин, Л. К. Латышев, В. Н. Комисаров, В. Г. Гак и другими.

Наиболее часто встречающимся является определение Л. С. Бархударова: переводческие трансформации – это «те многочисленные и качественно всевозможные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности перевода, не смотря на расхождения в формальных и семантических системах двух языков» [7, с. 190].

Что касается разделения трансформаций на виды, то существует достаточно много различных точек зрения, однако большинство исследователей разделяют мнение, что все переводческие трансформации делятся на лексические, грамматические и смешанные (или комплексные).

Перейдем к анализу классификаций переводческих трансформаций, предлагаемых различными лингвистами. Так, А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкая выделяют три типа переводческих трансформаций.

- Грамматические трансформации. Сюда относятся следующие приемы: перестановки, опущения и добавления, перестройки и замены предложений.

- Стилистические трансформации. К данной категории можно отнести такие приемы, как синонимические замены и описательный перевод, компенсация и различные виды замен.

- Лексические трансформации. Здесь говорится о замене и добавлении, конкретизации и генерализации предложений, а также об опущении [8, с. 325].

Я. И. Рецкер, напротив, называет лишь два типа трансформаций.

- Грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения.

- Лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании. Все лингвисты заявляют о том, что деление трансформаций на типы и виды – это условность. Связано это с тем, что некоторые трансформации практически не встречаются вне сочетания с прочими трансформациями, то есть в чистом виде [9, с. 156].

Концепция В. Н. Комиссарова сводится к таким видам трансформаций, как лексические, грамматические и комплексные. Говоря о лексических трансформациях, он называет транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены. В качестве грамматических трансформаций выступают буквальный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Комплексные трансформации также можно именовать лексико-грамматическими. Сюда относятся описательный перевод, антонимический перевод и компенсация [1, с. 138].

Таким образом, каждый из исследователей, классифицируя переводческие преобразования, распределяя их на классификации, по своему мнению, имеет дело с одними и теми же явлениями. Рассмотрев точки зрения различных исследователей – отечественных и зарубежных – можно сделать следующий вывод: исследователи имеют достаточно целостный взгляд на выделение некоторых типов переводческих трансформаций.

После всех проведенных трансформаций переводчику на третьем этапе процесса перевода необходимо задуматься об эквивалентности перевода и его адекватности, однако многие исследователи разделяют эти два понятия. Понятие эквивалентности является одним из основополагающих в теории перевода, поскольку достижение эквивалентности, равнозначности текстов оригинала и перевода является главной задачей переводчика. Большинство исследователей полагают, что абсолютная эквивалентность текста оригинала и перевода невозможна вследствие семантических, структурных и прагматических различий между исходным текстом и переводным текстом, и признают относительность действительно достижимой эквивалентности перевода. Трактование и спецификация понятия эквивалентности различаются.

Согласно А. Д. Швейцеру, главным в переводе является коммуникативная эквивалентность, опирающаяся на инвариантный коммуникативный эффект текста оригинала и перевода. Коммуникативная эквивалентность предполагает сохранение функциональных доминант исходного текста в переводе. Если коммуникативная эквивалентность распространяется на семантический и прагматический уровни и дополняется функциональной, можно говорить о полной эквивалентности. Однако А. Д. Швейцер отмечает, что полная эквивалентность является скорее идеализированным конструктом и реально достижима только в случае простых текстов с узким диапазоном функциональных характеристик и в относительно несложных, коммуникативных условиях. Гораздо чаще встречается частичная эквивалентность, реализуемая на одном из уровней и частично или полностью отсутствующая на других [3, с. 164].

По В. С. Виноградову, под эквивалентностью следует понимать «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [1, с. 18]. Подразумевая не только ярко выраженную информацию, которая воздействует на сознание адресата, но и тех видов, которые могут повлиять на чувства или имеют имплицитный характер. Самое главное в переводе – это сохранение смыслового содержания, так как все другие виды информации наслаиваются на смысловую и не могут быть переданы без ее воспроизведения. Эквивалентность и адекватность смыслового содержания является

условием для равноценного восприятия текста как на исходном языке, так и на языке перевода.

В отечественной теории перевода все определения понятий эквивалентности, адекватности и равноценности перевода рассматриваются по-разному: иногда соответствующие понятия рассматриваются как синонимы, иногда – как понятия, обладающие разным содержанием. Например, Р. Левицкий считает взаимозаменяемыми термины «адекватность» и «эквивалентность». В других работах понятия адекватности имеет более широкий смысл: адекватный перевод – это хороший перевод, т. е. предоставляющий необходимое, в данных конкретных условиях, содержание межъязыковой коммуникации. Эквивалентность же понимается как равноценность, как смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи [7, с. 190].

Рассмотрев процесс перевода, мы можем сравнивать его с движением мысли, и это движение происходит в направлении от общего к частному: от осознания специфики перевода – к уяснению цели перевода – далее к формированию стратегии перевода, соответствующей поставленной цели, – и, в итоге, к выбору способов перевода или переводческих трансформаций. При этом необходимо различать понятия «стратегия перевода», «способ перевода», «прием перевода» или «переводческая трансформация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 275 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе: на материале англо-русских и русско-английских комбинаций перевода. – М.: Московский лингвистический университет, 2000. – 206 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 254 с.
5. Ойунский П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2003. – 544 с.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
7. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. – М.: Флинта; Наука, 2015. – 464 с.
8. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 216 с.